

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ

ПОСЛЕДНЯЯ СРЕДА

ЖУРНАЛ

ТЕМА НОМЕРА **УКРАИНА**

журнал

ПОСЛЕДНЯЯ СРЕДА

литература о жизни

Учредители:

литературный клуб «Последняя среда»

издательство «Э.РА»

Фонд поддержки независимого книгоиздания

*тема номера **УКРАИНА***

Последняя среда

Редакционная коллегия:

Андрей Пустогаров – главный редактор

Михаил Ромм

Сергей Долгов

Илья Трофимов

пишите: **stogarov@psem.net** и вас прочтут

Последняя среда

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора5

ПОЭЗИЯ

Алексей Зарахович (Киев) Выбор 6

ПРОЗА

Ольга Ильницкая Убей своего мадьяра8

Андрей Пустогаров Странные движения души 18

НАШИ СОСЕДИ

Владимир Ешкилев (Ивано-Франковск) Лекции времен оккупации.....28

ФЕСТИВАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Украинский мотив. Стихотворения

Наталья Богатова36

Вадим Ковда37

Ольга Ильницкая43

Алла Шарапова45

Юрий Денисов 48

Илья Трофимов..... 51

Александр Евдокимов (Харьков)53

Олег Карпенко (Черкасы)57

Андрей Пустогаров..... 60

УГОЛОК ПЕРЕВОДЧИКА

Андрей Пустогаров Сухая кровь перевода65

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ален Гинсберг74

Чарльз Буковский77

Сергей Жадан..... 80

РОДНАЯ РЕЧЬ

Андрей Пустогаров Тарас Бульба – безумец или пророк?.....85

Последняя среда

РЕЦЕНЗИОННЫЙ ЗАЛ

Рецензии на три книги Юрия Нечипоренко	
Точильщик прозы Юрий Нечипоренко.....	95
Ярмарочный мальчик	96
Книга о Ломоносове	99

ПРИЛОЖЕНИЕ

Юрий Нечипоренко Из книги «Начальник связи».....	102
Фрагменты из книги «Ярмарочный мальчик»	106

РАЗГОВОРЫ ОБ ИСКУССТВЕ

Илья Трофимов Из статей о художниках-современниках	112
---	-----

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕМИИ

Премия «Живая литература». Итоги и перспективы.....	117
--	-----

ДЕЛА ИЗДАТЕЛЬСКИЕ

Михаил Ромм Умирает ли издательское дело и книга как таковая?.....	121
Эвелина Ракитская Издать книгу (поэма).....	123

От редактора

Наш журнал основан литературным клубом с аналогичным названием «Последняя среда», издательством «Э.РА» и Фондом поддержки независимого книгоиздания. Мы затеваем его, чтобы поговорить о вещах, которые считаем важными. Форма этого разговора – литературная. В жанрах эссе, критической статьи, обзора, рецензии, мемуара, наконец. В качестве иллюстраций мы будем печатать стихи и прозу. Но, что называется, литературный процесс – это не к нам. «Разобрали поэта Кубышкина, том второй и шестой Кочерыжкина, альманах «Обгоревший фитиль»... – пусть этим занимаются другие. Тем более, что этих других хватает. Поэтому единственный критерий по отношению к публикуемым материалам – их содержание. Публиковались ли они раньше, в каком году были написаны, кто их автор (естественно, при получении его согласия на публикацию) – дело десятое. Из всего этого вытекает тематический принцип организации журнального номера. Вокруг заявленной темы и будет развиваться разговор. Для первого номера мы выбрали тему «Украина». Первый номер журнала во многом состоит из текстов, написанных самими членами его редколлегии. Это обстоятельство вынужденное. По двум причинам. Во-первых, мы не проводили никакой информационной кампании, считая, что само по себе появление нового журнала не есть особо интересный информационный повод. Во-вторых, хотели задать общее направление журнала, совпадающее, что естественно, с нашими личными взглядами и предпочтениями. В будущем мы, конечно, не предполагаем печатать преимущественно себя любимых. Наша цель – создать сообщество открытое, не обращающая внимания на литературные кланы и тусовки. Для того, чтобы напечататься у нас, помимо желания или согласия автора, существует всего лишь одно дополнительное условие: нам должен быть интересен этот материал, пусть даже мы с ним и не согласны по существу. Нам можно предлагать прозу, поэзию etc, но основным содержанием журнала мы хотим сделать критические статьи и эссеистику. Словом, милости просим авторов и читателей. Тем более, что уже достаточно давно эти две категории почти совпадают.

Последняя среда

ПОЭЗИЯ

АЛЕКСЕЙ ЗАРАХОВИЧ (КИЕВ)

Выбор

Украина, ты ждешь стихов
Ждешь веселых до срока дел
Очарованных чумаков
Переливчатых женских тел
По Днепру за степной лиман
Пересыпется чешуя
Ходит рыба-налим в капкан
Есть у рыбы-налим стезя
Мимо черных ям, что ко дну
Мимо синих гор, что все дым
Украина, тебя одну
Научился любить налим
И покуда его несут
На плечах своих рыбаки
Видит родины красоту
Видит сети и челноки
Украина, каких врагов
Ждешь до срока, считая дни? –
Ходит рыбы налим остов
Гладят рыбу налим угли

Последняя среда

Любимая, так холодно – апрель
Играет солнце в зайчика и волка
И с жизнью продлевает канитель
И кажет звезды на краю колодца
Вот звездочет – зачем он среди звезд
Вне отдалений и скупых расчетов
А вот поэт – зачем он не поет
В преддверьи чувств, в предчувствии полета
Любимая, не мне тебя будить
Минуют не года – минуют жизни
Отчизна, но какая из отчизн
Отчизн так много, остаются числа
И длится ночь... На линии одной
Луна и ты, и никакой преграды
Заламывая мир над головой
Вышагивать у мира за оградой
Что выбор мой, когда повсюду ты
Украина, окраина Орды

ПРОЗА

ОЛЬГА ИЛЬНИЦКАЯ

Убей своего мадьяра

Папа говорил на тарабарском языке. Папа был в гипогликемической коме. В вене его торчала игла, толстый дядя в белом халате вводил глюкозу. Он спросил:

– Ваш отец мадьяр?

– Нет.

– Он читает стихи Петефи, по-мадьярски, – задумчиво сказал доктор. – Хорошо знает язык!

– Нет, – сказала мама, – он вообще языка не знает.

– Знает, – сказал доктор. – И – хорошо. Я венгр.

Спустя время я рассказала об этом отцу. Он удивился. Задумался. И поведал историю, после которой мне захотелось побывать в местах, о которых вспоминал папа. Найти памятник Шандору Петефи на берегу Дуная.

Я сразу увидела его, выйдя из машины в Будапеште, – сумасшедше красивого бронзового поэта. Он одиннадцать дней первым встречал меня по утрам и провожал по вечерам, а в промежутке была – Венгрия.

...С чердака игрушечного дома строчит пулемёт. Бой идёт на площади у городской ратуши, где домик синий соперничает с домиком жёлтым яростью красок. Припадая на левую ногу, натёртую новым хромовым сапогом, молоденький капитан бежит за усатым ординарцем, не поспевая. Потом ординарец станет толстым председателем колхоза. А капитан – моим отцом.

Всё происходит быстро и сразу. Они взбегают на чердак, папа стреляет в пулемётчика, и, как внезапная летучая мышь, из тени выскакивает женщина. Федька, ординарец, бросается вперёд и вбок,

Последняя среда

собою прикрывает командира. Автоматная очередь. Фёдор падает. Женщина мечется, крича, раскинув крыльями руки. Над отброшенным автоматом дымок, как над чашкой чая.

...Белая скатерть вышита гладью, поле лиловых анютиных глазок на круглом столе. Сидят за столом черноглазые дети, пьют чай из фарфоровых чашек. Смеющаяся женщина держит на коленях младшенького, вытирает ему, пускающему пузыри, беззубый рот.

Папа головой трясёт, отгоняя видение. Федька лежит – и розовая пена пузырится в его пшеничных усах. Четыре пули вошли и остались в Федоре. Папа переступает через ординарца и идёт убивать женщину.

...Пододвинули чашку, варенье в блюдечке...

Детей у женщины трое, мал мала меньше. Папа смотрит на тонкие пальчики младенца. Женщина замерла. Убивать стало некого.

Отец возвращается к Фёдору, уже опустившему поголубевшие веки, и тащит его вниз, взвалив на спину.

Женщина догоняет на лестничном пролёте, прижимается к стене и, задевая папу горячим телом, протискивается, протягивает папе маленький немецкий вальтер, требуя непонятного. Потом кричать перестаёт, внятно, настойчиво говорит: «Пуф». «Пуф», повторяет громче и опять кричит: «Пуф»! Верещат дети. Папа идёт прямо на неё, а она отступает, пятится, наставив на папу дрожащий пистолет и – падает. Папа не останавливается.

Я запомнила, случилось это в Секешвехерваре, в одном из домиков на центральной площади, в 1945 году.

Спустя время, папа возвращается в этот домик, и женщина не кричит на него, а из сложного чувства ненависти и удивления закрывает лицо руками. Говорит еле слышно:

– Он защищал свой дом, почему, почему ты, – она бьёт отца ребром ладошки, – не застрелил всех, что теперь делать?

Дети стоят, смотрят чёрными глазами. Молча.

Постепенно, из-за материнского инстинкта – необходимости выжить, женщина привыкла брать у папы его офицерский паёк. И подарила пистолет, из которого хотела убить, но не убила.

Последняя среда

Её муж не был фашистом. Он был мобилизованным мадьярским солдатом немецкой армии, так сложилась его венгерская жизнь. Она же любила его, и ещё любила национального поэта, героического офицера, скончавшегося от боевых ран в позапрошлом веке, – Шандора Петефи.

Покачивая почти мёртвым лицом с гордым маленьким лбом, мадьярская женщина читает убийце своего мужа стихи великого поэта-воина.

На папином кителе много орденов и медалей. Я гладила их и пальцами читала буквы: «За взятие Праги и Берлина», «За взятие Кракова, Будапешта и Вены», «За взятие Секешвехервара».

Мне скажут, что медали дают только за столицы? Что нет медали за город Секешвехервар? Но мои пальцы знают, там ещё были буквы: «За озеро Балатон», «За переправу через Влтаву». Они так знают!

И – я держала в руках тот пистолет.

Вот я опять приехала в Венгрию. И вновь отправилась в Секешвехервар.

...И произошло расширение сознания, но не в голове, а ...в груди. Стало сердце думающим. И твёрдым.

Дышу–дышу, продышаться не могу, боюсь вздохнуть, до посещения задерживаю выдох и – иду в голубых носочках, сквозь удушье, сняв туфли... И вижу труп.

Голоса работников в белых халатах говорят:

– Вы тело заберёте? Не заберёте тело? Оно вишен просит! И просит пистолет. Мы вам не выдадим тело. Пусть лежит!

Рядом женщины кормят детей из голубых чашек.

Когда ходишь в одном башмачке, мама умрёт. Нельзя в одном. А когда вообще без башмаков? Нет такой приметы.

В голубой чашечке белая кровь. Лейкемия у детей, разве не очевидно тебе? – говорят работники в белых халатах.

Вещий это сон, с четверга на пятницу – вещий!

...Спешит поезд Будапешт–Львов, спешу я, заглядываю в глубинную свою. А за окном уже мелькание земли украинской. Что за горо-

Последняя среда

док «Підзамкове»? Под замком или под замком? Замок сохранился? Это – львовщина. Значит, не сохранился замок. Подумать бы о чём-то целом. За окном то руины, то новострой, и составы товарняков бесконечны.

А когда по Венгрии – то сплошь цветы за окном, и крыши яркие в телевизионных спутниковых тарелках.

До чего же не празднична, убога – серая моя родина. У мадьяр – кирпичи в целлофановой упаковке, на земле Украины сикось-накось палки в заборах, удобрения в рассыпку – всё мусор, всё в мусор.

И вдруг белый храм о пяти головах, вдали, у горизонта. И белый аист на телеграфном столбе посреди поля, а по полю брызги зайцев – врассыпную!

В Венгрии пережила сильное чувство – над каменным мадьяром в фашистской каске с рожками. Он лежит, схваченный в камень, с лицом, похожим на лицо отца моего. Может быть, его мой отец убил? Я точно знаю, что на главной площади Секешвехервара мой папа убил своего мадьяра.

Почему жена и дети его были на чердаке, откуда поливал он пулемётным огнем советских солдат? Почему не в подвале была женщина и дети? Почему на их глазах – мой отец застрелил – их отца? Почему их мать не смогла убить моего папу?

Над памятником мадьяру в немецкой форме подумала я, что хороший мадьяр – мёртвый мадьяр. Ведь не лежи здесь он – камнем бы стал мой отец. Вот почему они так лицами похожи. И не было бы меня, с моей уже почти прожитой жизнью, мужчинами моими и нашими детьми.

Я испугалась. Не о папе, о себе испугалась. Ощутила пустоту здесь, рядом, в месте жизни, заполненном судьбой моей. Где бы мы все были, если бы не отец, а – отца? На той, второй мировой.

На базилике, рядом с памятником, видела я распятие, не похожее ни на одно из виденных прежде. На жёлтой стене вспучивается огромным, беременным животом, во всю стену, крест. И благодаря страшному напряжению тела Иисусова крест не сламывается над лаконичным: 1956.

Последняя среда

Помню этот год. Мне пять лет. Папин полк поднят по тревоге. Нас, детей, сажают в теплушку, на солому. Вокзал приграничного городка Унгены. Молдова. Эшелоны направляются на станцию Чоп. Оттуда – с семьями в глубину Союза, воинские эшелоны – на Венгрию.

А где-то ещё есть трое детей, того, каменного в немецкой каске, те дети... они могут смотреть на меня – здесь и сейчас, на меня, вечно теперь стоящую под распятием... Из окошек яркого домика, какой из них – красненький, жёлтенький, голубой – скрывает этих моих побратимов смертью? И не знают они родства нашего.

Опустошённой почувствовала я себя, виноватой. Это место, в Секешвехерваре, вошло в меня новым о себе и о жизни знанием: нет от него защиты! Ни памятью, ни надеждой. Мечтой? Мечтой о Мире.

Чтобы Мир был во всем Мире всегда. Потому что убитый мадьяр и убивший отец – два солдата, уже сделавших своё дело. Они, тогда, в 1945-м, и я здесь и сейчас, в 2002-м...

...Уже мой отец умер, и умрём мы, дети солдат второй мировой, и наши дети – их внуки, станут жить дальше, дольше... Хорошо-то как! Пусть будет мир!

Я трогаю, глажу отцовский пистолет, из которого мадьярская женщина не убила моего отца, убившего мужа и отца её детей...

Он долго лежал под моей подушкой. Спустя годы, после той, трагической военной истории, – я поняла, что надо мне сделать с ним. Я провезла его через таможенные границы и, просверлив в стволе сквозную дырку, подарила любимому. А себе на память оставила обойму. Она всегда со мной, вместе с шомполом для чистки ствола.

И вот я опять приехала в Венгрию. И отправилась автобусом из Будапешта в Секешвехервар.

На игрушечной площади, чуть свернув в сторону, чтобы не смотрел на меня отовсюду тот самый чердак, ярко-жёлтая, сверкающая в солнечных лучах базилика приковала меня: два обнажённых бронзовых тела, в позах римских легионеров и в фашистских касках, смотрели с фронтона храма. Перед ними, на ступенях, ле-

Последняя среда

жал окаменевший мадьяр в солдатских обмотках. Носки каменных ботинок смотрели в небо.

А из неба смотрела я, десятилетняя, испуганная. Из того времени смотрела, когда захотела побывать в этих, с боями пройденных отцом, местах.

Вот я вижу его точёные и знакомые черты, и знаю, что это его, отцовские скулы – на мадьярском каменном лице.

Это тот, кого убил мой папа. Вот почему они так похожи друг на друга.

Я поцеловала каменное лицо.

Я нашла своего мадьяра, не успевшего убить меня.

Второе зачатие

Я воспитывался бабушкой. Мама моя активно занималась женработой, это означало, что муж ее был военачальником. Все силы она отдавала их общему делу. Он военному, она обеспечению тылов. Отец говорил, что со своей задачей мать справляется отлично.

Что касается лично меня, то родителям я был до лампочки. У папы стрельбы, у мамы женсоветы. Я оказывался у бабушки, которая была нормальным человеком, «не изуродованным идеологически, как твои несчастные родители» – ворчала она.

Воспитанием бабушка не докучала, ходила каждое утро на Привоз с бидончиком для козьего молока и поила меня регулярно. Любила она меня так, как только и любят враги врагов врагов своих. Всерьез.

Про врагов врагов мне объяснила соседка Дуся. Она сказала – все дети всегда враги своим родителям потому, что радость жизни отнимают. А внуки эту самую радость вроде как возвращают, в свою очередь отобрав у своих родителей. А уж они известно, чьи враги. Ты не переживай, голуба, – говорила Дуся, – так завсегда в жизни велось.

Мусорщик дядя Вася меня тоже учил. По окраинным улицам, где еще печи топили, собирал он жужелку и укладывал широким

Последняя среда

трактом от последней трамвайной остановки до окружной дороги. Говорил:

– Если этот мой жушелон слегка смазать средней жидкости бетоном, то и камаз пройдет, ни трещинки не оставит.

Еще дядя Вася был сексуально одержим красотой. Об этом он так рассказывал:

– Стоит мне увидеть бабу с большими цистернами, меня сразу кидает в жар и с души воротит. И я бегу к тем камням, за которыми девки патлы свои длинные глиной моют. А потом друг дружке волосы расчесывают. И я гляжу, гляжу, аж, ну до этого самого, пока не отпустит душу и не высветит до небесной голубизны. Девки-то все больше тонкие, блестящие, на статуэтки похожие. А раз статуэтка, то какая же тут похоть, какой грех? Одна радость сплошная от созерцания красоты.

Однажды я решил пойти с дядей Васей красоту посозерцать. Он позволил.

– Только, – говорит, ты ж не очень эмоции там показывай, ты радуйся молча, сосредоточенно. А не то конфуз выйдет, вроде как не созерцать пришли, а непристойно и подло подглядывать. И заклеят нас на всю жизнь.

Испугал он меня, но я напрягся и пообещал.

Родители мои, как я понимаю, вели платонический образ семейной жизни. Дышали по ночам всегда ровно, и кровать у них не скрипела. Я проверял. Непонятно мне, откуда же я появился. Может, подкидывш или приемыш? Но стеснялся доставить им неудобство расспросами, боялся их огорчить. Думал, пусть лучше и не догадываются, что я в курсе...

Вот поэтому в сексуальном плане они меня вовсе не интересовали, я о происхождении думал часто, даже плакал иногда, ну просто жить мне этот неясный факт не давал.

Оказалось, что в отличие от других детей меня не один раз зачинали, а два. Это абсолютно точно известно дяде Васе.

– Первый раз, – задумчиво сообщил он, – были свадебные волнения, на руках он ее в дом вносил, туфельку невестину кто-то

Последняя среда

крал... Утром японское знамя гордо реяло во дворе на веревке. Для порядку жизни. Значит, с первого разу ты не получился. А вот второй твой раз... – тут дядя Вася сказал мне: умри!

Но умереть у меня не получилось, из-за любопытства. И мы пошли... Туда. Там, среди девок, была одна – вылитая моя мать. Мне из засады казалось так, во всяком случае. Волосы у нее до пояса, а то, что пониже, то великолепие, упругое и хрусткое как антоновка... мне зубами захотелось, аж рот свело, и я замычал...

– Ш-ш-ш, – зашипел дядя Вася, – это в тебе бесы кочевряжатся, а ты молитву Иисусову почитай, ты красоту постигай смиренно и через это пробьешься к вечному.

Все лето мы с дядей Васей через молитву Иисусову, смирение и красоту нерукотворную приобщались к вечному. До того самого раза, как решил он показать мое второе зачатие.

– Умри, – сказал мне опять дядя Вася страшным голосом. – Умри и только посмей затрепыхаться, вмиг обернешься жабой.

Третьи петухи еще не прокричали. Та, что с волосами и антоновкой, раскинувшись, как букет полевой, среди трав благоухала. А парень рыжий, неказистый такой – тю на тебя, дурень, – шепотком ругнул меня дядя Вася, – то ж батька твой, – так тот рыжий в траву присел, там, где букет рассыпался, а потом покачался на локтях и коленках и нырнул в букет, как под волну подныривают, на выдохе. Только и замелькали стебелечки ее слабые, темными прядями обвитые, и царил над нежной полевой сладостью крепкий подсолнух отцовской головы. И дыхание было зверское, казалось, что кроты всю землю насквозь прогрызли, и сквозняк темный вселенский дышит, дышит, надышаться не может. Да, видать, надышался.

И родился от этого я – рыжий и слаборукий бабушкин выкормыш.

Дикая

Из-под косой прядки светятся рысьи глаза с прыгающим взглядом. Ходит ссутулившись, но задирает подбородок. Черт-те какой эффект от такой постановки тела в пространстве. Вообще что-то дикое проступило вдруг в облике этой пятидесятилетней женщины. Что-то не сообразующееся с окружающим...

Я за ней наблюдал не первый день с нарастающим вниманием. В ее кабинете вечно кто-то торчал, но я пережидал всех и, дождав-шись своего часа, заходил, дверь на ключ закрывая.

Она молча наблюдала своими рыжими глазами за ежевечерней процедурой моего внедрения в кабинет. Никогда не слышал я протеста, всегда была одинаковая реакция: на стол ставились две чашки. А я доставал яблоки и бутылку вина. Она любила красное.

Но однажды мою бутылку она спрятала в шкаф, заменив коньяком.

В этот вечер я ее поцеловал. Она вытерла губы ладошкой, но так ничего и не сказала. Да мне и не нужно было, чтобы она говорила. Я тоже молчал.

С этого самого коньяка я ставил на стол две бутылки – красного и коньячную. А она распорядилась, убирая одну из них.

Когда оставался коньяк, мы целовались. Вино же пили все реже.

Но сегодня она оставила на столе обе бутылки. И впервые заговорила. Лучше бы она молчала! Она сказала, что мы вполне сошлись во взглядах и вкусах, так что за это надо выпить. Мы выпили.

– И расстаться, – добавила она. – Потому что два похожих человека в одном кабинете – это даже не скучно, это уже занудство.

И я поступил так, как она хотела, – я пил коньяк и вино, потом целовал ее, потом задрал юбку и... она мне не мешала.

Все получилось на удивление просто, буднично. Она была нервной, быстро зажглась и остро реагировала на мое вторжение. Пока

Последняя среда

я ее «догонял», она поглаживала мне уши, почесывала их, словно кошку. Это раздражало меня, и я, перецеловав ей пальцы, холодные и цепкие, с необлупленным бледным лаком, сказал все те слова, которые говорят любимым женщинам. И сам удивился.

Она чутко подтвердила, что да, любишь уже тысячу три дня...

И мы выпили за тысячу три дня. А потом молча выпили «на посошок».

Она не пошла со мной, чтобы возле вокзала, как обычно, разбежаться в разные стороны. Я ехал один в пустом трамвае. Мне было грустно, и я думал, что она все-таки дикая. А она долго сидела в кабинете. Я позвонил ей четырежды, она снимала трубку и слушала, как я молчу. Когда я в пятый раз набрал номер, она тихо сказала на мое молчание, что любовь вовсе не при чем. А при чем – похожесть, выражающаяся даже в одинаковой реакции на спиртное: красное – молчим, коньяк – целуемся, двойное – и молчим, и целуемся, и... положила трубку.

Большого случиться уже не могло. И мы не виделись с тех пор.

Впрочем, ровно через год после того, как все произошло, в одной из городских газет вышел ее рассказ. В нем говорилось о вещах обычных, тривиальных: как он и она вместе пили долгими вечерами и молчали, и домолчались, и допились до того самого, о чем все вокруг мечтают. А они вот, домолчавшись и допившись, не стали осознавать исполнения мечты многих, а расстались – черт его знает почему.

И вдруг он понял, что на всю жизнь удалось им сохранить то, чего никто не мог сохранить от забвения. А они сумели. И потому счастливы. Спокойны. И не боятся случайной встречи.

АНДРЕЙ ПУСТОГАРОВ

Странные движения души

– Какой смысл мне все это знать?

– Никакого. Это реальность.

П. Пазолини. «Медея»

История эта началась в сентябре и закончилась в конце января. Возможно, перепады погоды вызвали все эти движения души. Погода и прошлое – две вещи, что сильно влияют на нас, но на которые в одиночку почти не можем повлиять мы.

Меня позвали на книжную ярмарку в город на западных рубежах бывшего СССР. Для участия в «круглом столе», на который, как я подозревал, никто не придет. Но в том городе я когда-то родился и вырос. Конец сентября – лучшая пора на его засыпанных листвой и каштанами брусчатках. Я поехал. На вокзале меня и других гостей ждал микроавтобус. Поколесив по узким улицам, он отвез каждого под обещанную крышу над головой. Меня – к хозяйке. Хозяйка преподавала в музыкальной школе, делала в квартире ремонт и финансировала его за счет сдачи комнаты. К гостю из Москвы отнеслась с симпатией. Уже почти на прощанье сказала, что Иосиф Слепой был ее близким родственником. Иосиф Слепой, патриарх греко-католической церкви, провел 18 лет в сибирских лагерях. От прошлого в этом городе не скроешься. Оставив вещи и узнав, что вода в кране теперь бывает с 12-ти ночи до 6-ти утра, я пошел на ярмарку. Это было совсем рядом. Рядом был дом, где я провел детство. Здесь все было рядом. Назар разговаривал с каким-то парнем посреди людного фойе. Рубашка в клетку навыпуск, свободные брюки, сандалии на босу ногу – все, кто знал Назара, привыкли к его манере одеваться.

– Привет, Назар.

– О, Андрей.

Мы коснулись друг друга лбами и постояли так несколько секунд. Возможно, что-то перетекло в этот момент из его головы в мою.

Последняя среда

– У тебя надолго разговор?

– Еще минут пять.

Я отошел в сторону к стойке пустого гардероба. Вскоре к Назару подошел еще какой-то человек, они ушли в глубь здания и скрылись в толпе. Я подождал минут пять или десять и отправился гулять по городу. Погода была замечательная. По улице я поднялся на склон холма и обернулся. Купола и шпили сосали золотистое небо, под ногами хрустели листья, казалось – теперь всегда будет тепло.

Все-таки через час я вернулся на ярмарку и на том же месте столкнулся с Назаром.

– Слушай, куда ты пропал? Тут внизу можно выпить кофе.

Назар повел меня вниз в буфет. Мы взяли два кофе и пару конфет.

Он давал понять, что чувствует себя передо мной в долгу. Сумма этого долга была для меня не слишком большой. Тем более, что половину он отдал мне при прошлой встрече два года назад. Я был рад его видеть. Я бы посидел с ним подольше. Но это у меня почти не было дел в этом городе, у него были.

– ...Ты же будешь там вечером...

– Да, – ответил я, хотя знал, что не буду.

Здесь хранили традицию сопротивления – империи, коммунизму, русским. Назар чувствовал себя человеком команды. Но не было уже ничего, с чем могла бы бороться эта команда. Не было никакой империи на востоке. Из-за стремления отгородиться от того, чего нет, сохла сейчас их литература. Может, поэтому мне не хотелось идти на литературный вечер, что вел старший друг Назара. Кроме того, я предполагал, что там, в небольшом зале Пороховой башни, в эти теплые сумерки будет тесно.

Следующим вечером я пошел в костел Марии Магдалены. Я поднялся к нему по темной улице. Под звездным небом чернели волнистые барочные шляпки двух его колоколен. В мягкой влажной темноте шумели на ветру деревья. С советских времен костел служил органным залом. Сегодня здесь были литературные чтения. Входящий в костел попадал в сводча-

Последняя среда

тый коридор, который так концентрировал стук каблуков, что всем в зале приходилось следить за его продвижением внутрь. Из коридора двери выводили на середину зала. Полутемное пространство было заполнено длинными деревянными скамьями. Зрители сидели спиной к алтарю и лицом к сцене, на которой собрались выступающие. С краю на скамье недалеко от дверей я увидел Назара. Он, как и вчера, не выступал и пришел поддержать коллег. Назар подвинулся, давая мне место. Рядом с ним сидели две молодые еще женщины и два подростка.

– Это моя жена и дети, – шепотом подтвердил он мои догадки. Лет пять назад я первый раз оказался в родном городе Назара. Разыскивая его, мы компанией зашли к нему домой. Мы поднялись по лестнице на второй этаж. Ступеньки были с кольцами из желтого металла. Когда-то в них вставляли прутья, придерживавшие ковровую дорожку. Кованные дубовые ветки изгибались на решетках перил. Назара не было, дверь открыла его мать. В комнате на круглом столе на четвереньках стояли два примерно десятилетних мальчика и смотрели на нас большими любопытными глазами. Это были сыновья Назара. Жена рассталась с Назаром и уехала, оставив ему детей. Но сейчас дети жили вместе с матерью. Вчера Назар немного рассказал мне о своих семейных обстоятельствах:

– У нее третий муж, и мне легче: теперь главный плохой – второй, а не я. Я могу часто сюда приезжать, гуляю с детьми.

Мы еще с полчаса посидели, перешептываясь, и вечер кончился. Все потянулись к выходу.

– Извини, – сказал Назар, – я должен проводить домой жену и детей.

Мы попрощались. Народ не расходился и толпился на небольшой площади у костела. Откуда ни возьмись, появился одетый в наговскую военную куртку мой знакомый – молодой поэт, восходящая звезда национальной литературы.

Мы прогулялись за пивом и вернулись к костелу. Пришли две поэтессы с мужьями и подругами. Они принесли две бутылки шампанского. Я видел Назара, он стоял неподалеку и разговаривал со столичной журналисткой. Потом они вдруг развернулись и ушли

Последняя среда

куда-то вниз по улице. Сверкнули под фонарем и растаяли в темноте его босые пятки.

Постепенно составила компания для вечеринки. Все осторожно, словно по воде, двинулись в тумане по темной улице с желтыми отблесками фонарного света. Я заметил, что сыновья Назара и те две женщины, одна из которых – я не знал какая именно – его жена, идут вместе с нами. Мы недолго посидели в кафе, потом все снова вышли на улицу. Дети Назара и одна из женщин сели в такси и уехали, остальные отправились в гостиницу, где жила часть нашей компании. Вечеринка продолжилась в гостиничном ресторане. В какой-то момент сидевший слева от меня молодой поэт по-детски ничком опрокинулся на диванчик и, решив передохнуть, заснул. Сидевшие справа два центральноевропейских поэта, оставив пьяные попытки побрататься с русским, куда-то отлучились, и я неожиданно оказался рядом с женщиной, что была на вечере с Назаром. Она начала без предисловий. Во время ее монолога я несколько раз думал – знает ли она, кто я такой?

– Он обещал отвезти меня с детьми домой. И пропал. Где он?

Потом она рассказала историю их совместной жизни. Она не ужилась с его матерью. Выйдя замуж, она переехала из своего относительно большого в его относительно маленький город. Назар был слишком примерным сыном. Словом, однажды она оставила ему и свекрови двоих детей и уехала обратно. Это был длинный монолог. Я несколько раз думал – зачем она мне все это рассказывает? Под конец я понял – она хочет, чтобы Назар к ней вернулся.

– Все разговоры, которые он вставил в свою книгу, они же были со мной, а не с ней, – продолжала она, имея в виду женщину, с которой теперь жил Назар. Эта последняя книга Назара, полная истории, алкоголя и мистики, была очень популярна здесь в прошлом году.

Тут отрубившиеся очнулись, уходившие – вернулись, разговаривавшие – притихли, и пришла пора расходиться.

На следующий день я уехал в Москву.

А ночной разговор все не шел из головы. Вдруг я, незнакомец – единственный, кому она все это могла рассказать. И кроме меня не-

Последняя среда

кому передать ее слова Назару. Видно, раз уж однажды ты уехал из этого города – не надо возвращаться. Иначе его осенние ночные туманы проникнут тебе в голову и вызовут странные реакции. С ней его дети – думал я. Но все-таки звонить Назару, чтобы сообщить – знаешь, твоя бывшая жена хочет, чтоб ты вернулся – я не стал. Наступила зима. Начало ее у нас было почти бесснежным. Снег выпадал, но всякий раз ветер сдувал его с черной земли. В конце ноября я прочел в интернете в газете еженедельную колонку Назара. Он писал о том, как приезжает к своим детям, а в городе как раз выпал снег, завалил тротуары и брусчатки, облепил ветки деревьев. Назар берет детей и идет с ними по заснеженным улицам, пробруя руками снег, гулять в старый парк. Что-то рассказывает сыновьям о городе, зиме, снеге. Вечером я набрал номер Назара. Услышал молодой женский голос, согласившийся отвечать мне на русском: – Нет, Назара сейчас нет. Позвоните в одиннадцать.

Я позвонил в одиннадцать. Мне ответил мужской голос, похожий на голос Назара.

– Это Назар?

– Нет, – последовал резкий ответ.

– А есть Назар?

– Нет, – еще более резко и коротко.

Я не стал называть себя, извинился и повесил трубку. Наверно, это был брат Назара. В их стране проходили выборы. Говорили о вмешательстве России, хотевшей сохранить прежний режим. Команда Назара была, естественно, на стороне оппозиции. Противостояние в эти дни достигло максимума. Главным был вопрос: будут ли стрелять в митингующих войска? Поэтому, наверное, такой резкой была реакция на русскую речь. Я помнил, что после войны дед, бабушка и отец Назара пережили аресты и депортацию. Так или иначе, но больше звонить я не стал.

Войска не стали стрелять в народ, и оппозиция победила. В Москве проявляли интерес к событиям в соседней стране. Побавались, что следующей в очереди «революций» стоит Россия. В середине января мне позвонил Игорь, двигавший на наш рынок современную литературу соседней страны.

Последняя среда

– Слушай, – начал он, – я слышал, ты собираешься пригласить Молодого Поэта и Философа – обсудить революцию?

– Ну, собственно, Философ сам собирался в Москву. Но теперь он передумал, и я оставил эту идею.

Философ заработал на выборах денег как политехнолог и решил провести зимние каникулы не в морозной Москве, а в солнечном Египте, посетив знаменитые монастыри. Там на него должна была снизойти, как он это называл, «энергетика». Кроме того, он опасался, что «засветится» как пророссийский участник выборной кампании. Сейчас это ему было не с руки.

– Слушай, а давай пригласим Писателя, – Игорь назвал имя старшего друга Назара.

Старший друг Назара был, наверное, самым известным писателем соседней страны. (Так я его и буду дальше называть – Писатель). На излете СССР, в его последнее лето, в книжном магазине поселка, стоявшего на границе лесостепи и степи, я купил книжку стихов неизвестного мне Писателя. С той книги, может, и началась вся эта история. Герои ее стихотворений, как трава, из века в век держались в трещинах каменных стен. Поэтому и пережили всех в этих, переходивших из рук в руки, городах. Многих героев Писателя я как будто встречал на узких тротуарах и каменных ступенях, идя с бабушкой на прогулку или возвращаясь с другом из школы. Писатель сочинил городской эпос своего народа. Эпос вышел пронзительным.

Известным же за границей Писатель стал благодаря романам. А в эту осень после почти четырнадцатилетнего перерыва вышла новая книга его стихов. Я не думал, что Писатель захочет приехать в Москву. Во время избирательной кампании он подписал открытое письмо в поддержку своего кандидата с оскорбительными для его русских сограждан фразами. В числе подписавших был и Назар. Благодаря усилиям работавших против этого кандидата политехнологов письмо стало широко известно. Писатель потом уверял, что сказать хотели совсем не то, что сказали. Он заигрался в свою «русофобию», и она сыграла с ним неважную шутку. Словом, я не верил, что он приедет, и легко согласился на предложение Игоря.

Последняя среда

Но вскоре Игорь позвонил снова:

– Он приедет.

– Здорово, – сказал я.

– Только он хочет не поездом, а самолетом. Это чуть дороже. Потянешь?

– Хорошо, – отказываться было неудобно.

– И еще надо что-то придумать с гостиницей.

– У меня под боком свободная квартира. Он может там остановиться.

Возможно, это было искреннее движение его души. Возможно, Писателю надо было загладить допущенную «неполиткорректность». Возможно, то и другое одновременно. Но я вовсе не жалел, что он приезжает. У меня была причина.

Вот так он и вынырнул из первой настоящей в этом году московской метели. Игорь и его жена привезли Писателя из аэропорта. Все немного озябли. Мы выпили за встречу коньяку. Писатель вел себя сдержано. Похоже, он чувствовал себя контактером, сталкером, пришедшим, чтобы умиловить сумрачную Зону, заговорить, уболтать ее, отвести беду от своей страны. А, может, и Алисой в Стране Чудес, пролетевшей по алюминиевой норе самолета прямо на голову эксцентричным гипербореям. Мы выпили еще, и я повел Писателя в его апартаменты.

В день назначенной дискуссии мы с Писателем пообедали у меня дома. С вокзала к нам добрались Молодой Поэт со своим спутником. Еще совсем недавно они вдвоем возглавляли палаточный лагерь оппозиции в своем по преимуществу русскоязычном городе. Я накормил их супчиком. Им стало немного легче. Мы выпили на дорожку. Настала пора выходить в не прекращавшуюся метель и двигать к месту словесных баталий.

– С моей стороны будет наезд, – предупредил я Писателя

– Да? – рассеянно откликнулся он.

– Мне не нравится у тебя пассаж о диких кочевниках с Востока.

Он рассеянно кивнул. Мы двинулись.

Последняя среда

В бело-синем зале московского особняка собралось человек сорок. Тему для выступлений придумали Игорь и его жена, чуть переделав зловещий лозунг «Искусство и Революция». Пригласили людей искусства – писателей и организаторов перформансов. Были также журналисты, социологи, главари молодежных радикальных движений и даже один депутат Московской городской думы. Первым слово получил Писатель и минут тридцать говорил о том, какое увлекательное дело революция, карнавал и прямое народное волеизъявление. Он явно чувствовал себя персонажем своего романа, что когда-то обратился с рассказом о своей родине к посетителям московского пивбара и красноречием выжал слезы даже из этих суровых людей. «Все эти люди уже давно хотели услышать именно это именно от меня», – так было в романе. В действительности большинство смотрело на Писателя с выражением «Не учи отца кашлять». Кто-то из выступивших следом разделял романтический настрой Писателя и считал соседнюю страну образцом для подражания. Другие выражались скептически, некоторые – почти агрессивно. Молодой Поэт в основном отмалчивался.

Подошла моя очередь.

– Меня однажды тронули твои стихи, – сказал я Писателю, – из-за их сочувствия к тем, кто не вписался в виражи истории. А теперь ты хочешь, чтобы мы порадовались, что у вас, как ты говоришь, молодые, умные, красивые победили старых, некрасивых и глупых.

– Ну, молодые – это метафора, – парировал Писатель.

Я стал говорить, что опасное дело – создавать образ врага. Тот, кто все время борется с драконом, в конце концов становится на него похожим.

– Андрей, – прервал меня Писатель, – ты бываешь в наших краях, ты хоть раз сталкивался с враждебным отношением к себе?

– Дело писателя – текст, – ответил я.

– Ну, приведи хоть один пример.

Он прямоком, сознательно или бессознательно, двигался к тому, о чем я предупредил его перед выходом из дома.

– Например, у меня есть книга твоих эссе, а в ней пара страниц о диких кочевниках Великой Степи, которые умеют лишь выжечь

Последняя среда

и разрушить все на своем пути. Об этих кочевниках с Востока лет шестьдесят назад уже писал один немецкий писатель и доктор, тот, что при слове культура хватался за пистолет.

Дело шло к ночи, и я не стал произносить вслух имя этого немецкого доктора.

– Но у меня нет таких строк, – заверил Писатель, глядя на всех большими искренними глазами.

– Хорошо, – сказал я. – Будем считать, что я ошибся.

Этим же вечером мы переместились в литературное кафе, где Писатель и Молодой Поэт читали свои новые стихи. Публики было немного, все, в основном, знали друг друга.

Писатель читал артистически, акцентируя отдельные слова небольшим подвыванием:

Один из недобитых в девяносто первом
преградил мне, подбитому, дорогу
среди ночного города.

Произнося первую строку, он вытянул руку и ладонью указал на меня. Дальше там было так:

Ночной город принадлежит им –
я, наверное, единственный, кто об этом знает.
Он тоже хотел пива –
пьяный мародер, участник боевых действий и т.д.
«Брат! – сказал он мне. – Брат!
Пиво кончилось, представляешь?
Пиво кончилось, жена ушла!»
Я и не знал, что на свете есть такое отчаянье.
Мне все чудилось что-то о трети вод
и полыни.
Ангел в футболке с третьим номером шел по небу,
трубя в свою дурацкую дудку.
Мы обнялись, как перед расстрелом.
Прошу прощения, перед рассветом.

После чтений ко мне подошел удивленный знакомый, забредший на стихи со своими студентами:

Последняя среда

– Андрей, чего это он на вас показал?

Я пожал плечами. Я покинул город, о котором шла речь, лет за двадцать до 91-го года и даже в шутку не мог отождествить себя с героем стихотворения.

Больше выпадов с его стороны не было. Придя ко мне наутро завтракать, он вел себя мирно. Мы пили понемногу коньяк и разговаривали о том о сем.

– Знаешь, – сказал я, – у меня есть один личный вопрос.

Я слегка нервничал – все таки странным было то, что я соби-рался сказать. Глядя на меня, он тоже чуть напрягся.

– Вы ведь друзья с Назаром?

Он кивнул головой. Я рассказал о ночном разговоре с женой Назара.

– Я, честно говоря, в затруднении. Как-то странно звонить человеку спустя пол года по такому поводу... Мне показалось, он не совсем меня понял. Ему было немного неловко:

– Ох, у нее это обычная тема.

Наверное, он не одобрял, что тема стала достоянием посторонних. Вопрос был закрыт.

На следующее утро затемно я пришел, чтобы проводить его и забрать ключи от квартиры. Он оставил после себя почти безупречную чистоту. Только несколько скомканных бумажек лежало на столешнице в кухне. – Не нашел мусорного ведра, – извинился он. Ведро там действительно не было.

Зазвонил телефон. Это приехало такси. Мы спустились вниз.

– Спасибо за все, – сказал Писатель, и мы обнялись. Он сел в машину, и они поехали. Метель занесла следы автомобиля. Но я знал, что задержки рейса не будет. Он выполнил свою миссию – ответил на мой вопрос, разрешил мои сомнения и теперь мог улетать.

2005 г

НАШИ СОСЕДИ

ВЛАДИМИР ЕШКИЛЕВ (ИВАНО-ФРАНКОВСК)

Лекции времен оккупации

ироническая проза

Поэзия ядов

Тема отравлений упрямо не сходит со страниц мировой прессы. Обсуждают отравление семи сотен пассажиров круизного океанского лайнера. Президент Украины недоволен темпами расследования своего собственного отравления. В лондонской больнице скончался отравленный экзотическим полонием бывший эфэсбешник и перед смертью обвинил в своих печалях Путина. Но и за границами мировых новостей присутствует та же тема. Знакомая девушка третий день не отходит от унитаза после посещения популярного в студенческой среде развлекательно-ресторанного комплекса. Похоже, она выпила в таблетках столько активированного угля, сколько за день поднимают на гора неутомимые работяги шахты имени Засядько.

В конце концов это начинает доставать. Такое впечатление, что взбесившиеся спецслужбы травят все, что движается. Противопоставить этим атакам можно лишь знание. Ведь знание, как меня учили, это сила.

Я снимаю с дальних книжных полок справочники по химии и погружаюсь в этот опасный мир. Оказывается, 98% элементов таблицы Менделеева только и ждут удобного случая, чтобы отправить нас на тот свет. Все эти соединения фосфора и соли ртути, все эти кислотные и щелочные, радиоактивные и бензольные гадости. Все эти фишки из коллекции дядюшки Руджери. Того самого, что во времена Екатерины Медичи отправил в лучший мир добрую половину парижского придворного бомонда.

Последняя среда

Читая справочники, я постепенно прихожу к выводу, что пребывание в неотравленном состоянии – это скорее счастливый случай, чем норма. И никакие предосторожности тут не помогут: зловредная химия все равно проникнет в ваше доверчивое тело, если и не в виде ароматизатора «Е 345279», так уж точно вонючей молекулой, которую алкогольные жулики прилепили к хвосту благородного коньячного фермента. Вы наслаждаетесь вкусом фермента, не подозревая, что микроскопическая молекула-пассажира уже начала свое черное дело. Утром вы ощутите последствия ее путешествий по вашим сосудам. Особенно почувствует их та часть тела, к которой крепятся уши.

Яды образуют композиции, прячутся в веществах-носителях и действуют в соответствии с дозировкой и особенностями внутренней среды. Летописный источник сообщает, что в Индии во времена Великих Моголов жил непревзойденный отравитель, который умел так подобрать состав и дозу яда, что отведавший его человек умирал точно в оговоренный в заказе день. Яд убивал или через час, или через неделю, или через восемь месяцев. В зависимости от пожеланий заказчика.

За дополнительную плату можно было заказать для жертвы легкую смерть во сне или, наоборот, страшные многомесячные предсмертные мучения. Мастер Ядов тщательно изучал стиль жизни жертвы, разузнавал точный вес, тип рациона, склад характера и даже частоту и объем стула. Летописец, оставивший нам свидетельство об этом негодяе (но не сообщивший, и поделом, его имени), пишет, что высшим пилотажем Мастер Ядов считал отравление путем прикосновения.

К жертве посылали красивую девушку, на тело которой наносилась ядовитая косметика. Слой специального масла (или жирной глины) защищал ее саму от яда. Во время эротического массажа одалиска прижималась своим телом к телу жертвы, постепенно втирая в него фатальную композицию. Смерть от удушья наступала жертву через несколько недель.

Эта история свидетельствует о том, что из всего на свете, при желании и любви к своему делу, можно сделать предмет искусства. Я представляю себе, как Мастер Ядов, словно поэт – стихи, слагает свою химическую композицию. Вот он тщательно – капля за каплей

Последняя среда

– отмеряет соединение фосфора. Затем добавляет одну большую каплю сока экзотического растения и несколько крупинок зеленой меди. В прозрачной склянке смесь становится грязно-голубой. Мастер осторожно нюхает раствор, довольно прищуривается, добавляет еще кунжутного масла, талка и немного мускуса. Совсем немного. Полкапли. Химическая поэма завершена. Мастер зовет девушку. Та входит – обнаженная, обольстительная, смазанная защитным слоем, вытягивается на циновке и ждет, пока первый мазок не ляжет на ее поблескивающую кожу. Где-нибудь между грудью и упругим куполом живота...

Вино как врата

Винные ритуалы сильно отличаются от водочных. Водочный дух окутывает сознание плотной пеленой, растворенная в нем печаль мстительно блуждает в мозгу, словно полки Наливайко в Черкасской степи. Веселый и легкий дух вина, напротив, проясняет окружающую действительность. В нем – светлая энергия солнечных лучей, бодрая энергия юга. Эта энергия требует по отношению к себе подчеркнутого уважения. Атрибутов прозрачных и легких. Помещений с высокими окнами. Дубовых, не испорченных лаком, столов. Натертых воском поверхностей.

Во главе винного ритуала – специфическая фигура сомелье с набором традиционных инструментов. Черпачок-теставен, кулер – ведерко с кубиками льда, штопор и декантер для аэрации солнечного напитка. Все серебряное и хрустальное. На дубовых столах высятся шары бокалов, готовые принять в свои сияющие недра бархатистую жидкость, насыщенную лучами Ярилы-Ра. Я не спеша наклоню наполненный на треть бокал. Густая прозрачная кровь демонов винограда течет по вогнутому стеклу и первая капля достигает губ. Мне кажется, что сквозь терпкость и сладость я чувствую острый прикус серебра и мохнатую вязкость дуба. Сахар, кислота и спирт обволакивают шарики гемоглобина едкой алхимической мантией. Потоки причудливо пресекаются, сливаются и человек становится совершенным вместилищем винного духа, свободным сородичем Вакха.

В это мгновение (это, мой друг, важно – чтоб именно в это мгновение) в желудок падает кусочек пармезана. Маленький не испор-

Последняя среда

ченный жеванием кусочек. Этот кусочек – вместилище еще одного демона вкуса. Удерживаемое сыром вино постепенно проникает в кровь и ритуальная жидкость не спеша достигает берегов пьяной истины, Открываются Врата.

Вино впускает пьяницу-паломника в свой потаенный мир. В царство солнечных мистерий Диониса. Небесный диск светится из-под кожи пурпурным сиянием перенасыщенной вином крови. Паломник чувствует свет. Свет овладевает телом и отнимает ноги. Ноги остаются по ту сторону врат. Ведь для передвижения по солнечному царству они не нужны. Перемещения свершаются теперь вдоль вакхических вертикалей, воспетых пьяницей Хайямом. Мы когда-то читали его рубаи, мой друг. Теперь они читают нас. Потому что мы пьяны. Потому что вино неистребимо.

Оно неистребимо, как материя. Как принцип. И абсолютно неистребимо и вечно, как Врата. Потому что находит и высвечивает особенное под кожей каждого человека. Но я заболтался, мой друг. Это правда. Трудно размышлять, когда поэзия великих алконавтов читает тебя, словно ты не человек, а съехавшая надпись на стене туалета.

При употреблении вина нельзя останавливаться. Это обязательное условие ритуала. Бокал за бокалом держат Врата открытыми. Света никогда не бывает слишком много. Чем меньше крови в крови, тем больше истины в теле. Вино медленно, но верно увлекает из крови родовую память. И мы, друг, внезапно видим, как наши предки гонят по тундре отвратительного вонючего мамонта. Наш предок был мохнат. Он рычал.

А после исчезают все спродюсированные внутренним голивудом картинки. Остается только свет. Отчего-то смешанный с головной болью. Но такой прозрачный, как свет в конце туннеля. Или туннель в конце света. И это уже финиш.

Ты спрашиваешь, что дальше?

Дальше утреннее похмелье. Сумерки обыденного мира. И надежда, что этот винный ритуал не последний. Надежда, что капля вина останется в жилах даже тогда, когда там уже ничего не останется. Совсем.

...орда, антиорда...

Отцы-основатели европейской политической традиции считали Орду кочевой формой варварства. В памяти оседлых народов-победителей побежденные кочевники остались лишь в виде тени: ночным ужасом, смертельным неистовым набегом. Самих носителей этого ужаса уже нет, они исчезли в ходе исторического прогресса. И только цыгане иногда напоминают нам то ли о «форме варварства», то ли об особой форме равновесия между человеком и пространством. Между человеком и открытостью.

Если казаки и вправду были создателями украинской самобытности, то следует признать, что самобытность эта складывалась на близких или далеких орбитах Орды. В местах, по одну сторону от которых крепили политические нации с их социальным принуждением, оседлостью и государственностью. А по другую сторону обитала особенная пустота (или открытость). В этой пустоте порой не было ничего. А порой возникала Орда. Которая не заполняла эту пустоту-открытость, но скорее сама была ее хищной разновидностью.

Казаки боролись в Ордой. Это не была борьба на уничтожение, но соревнование и сосуществование двух форм коллективно-кочевого – Орды и Антиорды. При этом Антиорда была одновременно и антигосударством, что бы там не рассказывали историки о «зародышах государственности» в разбойничьих гнездах посреди днепровских плавней. Когда под сапогом екатерининского солдата исчезла Орда, исчезло и вольное разбойное рыцарство. Исчезло почти без следа, оставив лишь опереточные чубы и шаровары. А также нечто, что до сих пор мешает нескольким нациям войти в европейскую семью народов. То ли это семья распознает чужого по запаху. То ли чужому тесно под, низкими потолками мудрых законов и прагматических правил. Хрен разберешь.

В чем наследие Орды? Кочевые народы, как справедливо подметил один каирский отшельник, не создают ничего долговременного и не работают во имя будущего, которое от них ускользает. Но они обладают простором, который ни в чем их не ограничивает и открывает перед ними все новые возможности. У кочевников существует четкий баланс между космическими принципами: принципом сжатия, который мы называем «временем», и принципом

расширения, который мы зовем «пространством». И если «государственные» народы привыкли жить на исторических «отрезках», то Орда и Антиорда живут на исторической прямой, не ограниченной ни единой точкой. Они живут «в никуда».

Нынче они живут не в степях, а в нашем подсознании. Живут себе «в никуда».

И что с того? – спросите вы. Ничего.

Мы ведем такую же борьбу за выживание, что и «народы-государственники». Только с большим содержанием холестерина и алкоголя в крови. А также с большей долей пустоты-открытости. Что, возможно, и формирует загадочную славянскую душу, склонную к поиску заговоров и достоевщине. Душу, к которой скептический разум «политических» народов относится с подозрением. Ведь в ней все еще живет Орда. Замаскированная, но всегда готовая отправиться за ясырем.

Между «политическими» людьми и кочевниками простирается пустыня непонимания. Но путь от «политического» человека к неордынцу – одна из самых интересных и важных мистерий нашего глобализованного мира. Древние взаправдашные кочевники жили в мире подвижных неопределенностей. В нем принципиально не было никакой «дорожной карты». В нем каждый новый пейзаж требовал особого названия, каждое новое существо – охотника. На пути того, кто идет к свободе путем «внутренней Орды», встают видимые и невидимые преграды: валы цивилизации, бастионы культурных догм, застенки «социальной клиники» Мишеля Фуко и просто знаки дорожного движения, что запрещают левый поворот.

Тот, кто странствует в просторе и молится горизонту, непрерывно меняется. Его изменяет каждая новая тропа. Его закаляет опасность. Его дисциплинирует мрак. Он начинает ценить свет. Он распознает оттенки темноты. Он спасается от поражения бегством и не поддается разумному анализу. А это сильно не нравится «политическим» людям. Тем, которые провозглашают своего брата-скептика гением человечества, а ментального кочевника – полудурком. И если ты плохо замаскировался под ироника, комментатора или туриста, то рано или поздно так называемая экспертная среда просвещенного общества, эта дистиллированная братва, тебя вы-

Последняя среда

числит. И старый страх перед Ордой заставить ее спастись бегством. Или открыть стрельбу. Или описаться от ужаса.

А потом она вновь совершит священный ритуал политических наций и еще раз провозгласит Орду «кочевой формой варварства». Ведь человек – «ритуальное животное», и его нельзя обречь на смерть, не проведя через соответствующий ритуал.

Лекции времен оккупации

В марте 1945-го, когда французские войска подходили к провинциальному швабскому Фрайбургу, десять университетских профессоров вместе со студентами оставили город и поднялись на полонины Шварцвальда к замку Вильденштайн. Среди десяти профессоров был один из самых выдающихся философов XX века Мартин Хайдеггер. Пока в долине начиналась оккупация территории рейха, Хайдеггер читал студентам лекции. Среди тем были «Критика чистого разума» Канта, поэзия Гельдерлина и история Средних веков. В горном замке было мало еды, но лекции – как вспоминали через десятки лет эти вильденштайнские студенты – неплохо отвлекли от голода. Потому что были интересными.

Так уж получается, что внешняя опасность уводит мысль в замки творческого совершенства. Новеллы «Декамерона» рассказывают друг другу жители охваченного чумой города. Шостакович создает Седьмую симфонию в блокадном Ленинграде. В оккупированном нацистами Париже Сартр пишет «Бытие и ничто». Оккупация – одно из отечеств творческих взлетов. Под властью «своих», наоборот, пишутся по преимуществу сиротские тексты. Или социально-ориентированные, что почти что одно и то же.

Напрашивается вывод, что для создания шедевра совсем не надо лезть из кожи вон. Следует лишь дожидаться оккупантов. Или их выдумать. Затем убедиться, что сопротивление бесполезно. После открыть третий том Канта. И вместе с Кантом пережить это время. Я просто не знаю лучшего союзника, чем Кант.

Подполье при этом даже лучше, чем эмиграция. Эмиграция разъединяет, подполье же сбивает в группу людей, которые в другой ситуации никогда бы не сошлись вместе. Подполье все спутывает в клубок. Оно и есть клубок.

Последняя среда

В своих мемуарах шпионы пишут, что во время Второй Мировой профессиональным разведчикам не рекомендовалось без крайней необходимости идти на контакт с партизанами и подпольщиками. Хотя, на первый взгляд, что может быть логичней, чем сотрудничество шпиона и союзной подпольной организации? Но, если хорошенько подумать, все правильно. Не стоит им идти на контакт.

У шпиона и подпольщика разные типы сознания. Они не согласуются по сути. Шпион делает свою работу. Опасную, грязную, хорошо оплачиваемую. Подпольщик, напротив, живет в особенном мире, где никакая «работа» не имеет четко определенного смысла. Шпион является частью механизма, подпольщик противостоит всем механизмам оккупации, как растение, проникая во все их зазоры. Поэтому среди подпольщиков преобладает молодежь. Ей легче ощутить себя растением.

Поэтому подпольщику во времена оккупации свойственно читать лекции. Экономя провизию, рассказывать о Канте и поэтах-романтиках таким же, как он сам, перепуганным и впавшим в оцепенение людям, что вдруг оказались посреди разгула мировых стихий. Для этого нужен лишь нехитрый антураж, вроде горного замка в верховьях Дуная, десятка-другого преданных студентов и вражеской армии в долине внизу.

С украинского

ФЕСТИВАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

«Украинский мотив»

В конце октября 2011 года в Москве прошел Открытый московский литературный фестиваль “Український мотив”. Организаторами его стали Московская библиотека украинской литературы и литературный клуб «Последняя среда». Звучали написанные московскими писателями на русском языке стихотворения и короткая проза об Украине. Совместный концерт с пишущим по-русски харьковским поэтом и музыкантом Александром Евдокимовым дали группы “Ботаника” и “Запрещенные барабанщики” (Харьков–Москва). Гостем фестиваля был украинский писатель Сергей Жадан.

В рамках фестиваля были проведены “круглые столы”:

– “Что? Зачем? Как?” по проблемам перевода с украинского на русский язык (при участии редакции журнала «Дружба народов»).
Тексты выступлений опубликованы в январском (2012 г.) номере «Дружбы народов»,

– «Возможен ли диалог без идеологии?» по проблемам украинско–российского культурного взаимодействия (при участии радио «Свобода». Материалы опубликованы на сайте радио «Свобода»
<http://www.svobodanews.ru/content/transcript/24384431.html>).

Мы публикуем стихотворения участников поэтической программы фестиваля:

НАТАЛЬЯ БОГАТОВА

Памяти Гоголя

Кому терзала уши тишина,
Кому постель казалась смертным ложем,
Но Панночка в пространстве решена
Как та стрела, что не упасть не может.

В пространстве хат и плодородных дев,
Где колокола гуд утюжит крыши,
И где, цветки над крышами воздев,
Малиновые мальвы душно дышат.

В пространстве обручального кольца,
Имеющего контур прочной точки,
Где судорогой сведены сердца,
Как лиственные гибнущие почки.

В пространстве,
Где хватая пустоту,
Звериной наготой блистая, мчится
И чувствует добычу за версту
Ночная неустанная волчица.
И в Запорожской, Господи, Сечи,
Как Цезарь – окруженная рабами –
– И ты, Хома! ты, Брут! – она кричит,
И трепеща,
И скрежеща зубами.

– Ты сам себя зажал в заклётом круге,
А мне хватило б трещины в стекле.

Она летит, вытягивая руки,
И жизнь ее, как стрелка, на нуле.

ВАДИМ КОВДА

Шёпот родины

Вот бурьяны, полынь, ковыли...
Вот хлеба – до краёв горизонта.
Изваявшись в белёсой пыли,
всё сжигает разбухшее солнце.

Бьёт на стыках нескорый состав.
Вдаль столбы телеграфа – пунктиром.
И уснул, горсть домов разбросав,
городишко – центр здешнего мира.

Где-то видена эта земля,
контур тополя пирамидальный...
Украина – праматерь моя,
ты в крови моей, в памяти дальней.

Из подёрнутых временем лет
мне родные мершатся лица...
Вот уходит мой умерший дед,
что иною землёй прокормиться.

Он на хлебную метит Кубань...
Украина, что было с тобою?
Украина, не плачь, перестань –
всё никак не расстанешься с болью...

Нет, я здесь не бывал никогда,
Не ступал по земле этой древней...
Вспоминала лишь кровь иногда
пропылённую эту деревню.

Но земли этой чувствую власть.
По-иному душа моя дышит...
Всё мне хочется грудью припасть –
шёпот Родины сердцем услышать.

1976

Последняя среда

За Днепром

Словно кожа столетней старухи
в чёрных трещинах эта земля.
Здесь огромные, злобные мухи
да обугленный цвет ковыля.

Давит ветер ненашенной силы.
Пыль столбом. И хрустит на зубах.
Раскалённо и жёлто светило
в заднепровских бескрайних степях.

И зыбучих песков безобазие
в благодатном приморском краю.
И сюда желтолицая Азия
тянет дерзкую руку свою.

Чуть маячат отары овечьи.
Даль плывёт, замутнённо-бела...
Бесконечны труды человечьи.
Преходящи людские дела.

Сиваш

1.

Шелест маленьких гнутых деревьев
да морское сиянье вдали –
всё ж отрада для слуха и зренья
у покинутой Богом земли.

Но и чахлые эти уродцы
тихо мрут у меня на глазах.
А их души уносятся к солнцу
в бесконечных, пустых небесах.

Остаются в белесом просторе
нарастающий солнечный свет,
голубое блестящее море,
да рыбацкой ладьи силуэт.

Последняя среда

2.

Возле моря гнилое болото –
засоленная, гиблая топь.
Ничего не растет отчего-то.
Лишь полынь, да и та не растет.

И мяучит печальная птица,
детским тоненьким криком кричит.
Не забыться, никак не забыться –
каждый раз что-нибудь уличит.

Содрогаясь, дымится болото,
высыхает в палящих лучах.
И каймой светло-серого пота
проступает в грязи солончак.

Стонет птица, мяукает резко
в почерневшем, гнилом камыше.
Что за страшное, гиблое место?
Что за гнет у меня на душе?

* * *

Ветер, изгибаясь, шелестит.
Небеса застыли синим сгустком.
Море ослепительно блестит,
словно снег на поле среднерусском.
Здесь, на вулканической горе,
над немым хабсом Карадага
в гулком и пустынном октябре
мы одни, нам ничего не надо.

Дальних гор клубится полоса.
Мы сидим, ослепнув и оглохнув...
И душа течёт через глаза,
словно солнце сквозь большие окна.

Последняя среда

Восточный Крым

Камни. Змеиные норы.
Русла иссохшие рек.
Стертые, рыхлые горы,
словно больной человек.

Берег. Зеленые скалы
дивною формой своей
из вулканической лавы
напоминают зверей.

Узкой тропинки испарина.
Нету кругом никого.
И не хватает татарина,
песни гортанной его.

ОЛЬГА ИЛЬНИЦКАЯ

Опять стихи идут, как эшелон
из прошлого – военного, скупого.

...Вновь мама ждет отца с реки, улова
к обеду ждет. И варится рассол
для огурцов с небритыми щеками.
Сижу-гляжу и думаю о маме,
И слезы, как горох, стучат об стол.
Моя весна еще так далеко:
Мне девять лет, смешлива, угловата.
Мой папа принесет в ведре улов!
Он радугу пришьет гвоздем над хатой!
И скажет бабушка, прикрыв глаза рукой:
«Спасибо, сын! Какой улов богатый».

Последняя среда

Море знобит. Небо давит на горы и годы.
Дышит земля застоявшимся воздухом злым.
Холодом ночь подгорчила целебные воды.
Их, как микстуру, глотает простуженный Крым.

Белого света достанет на всех, кто устал.
Всех, кто в пути отходил и желанья и ноги.
С каждой петлей симеизской летящей дороги
каменной Кошки пугающий вижу оскал.

В хищном разломе застыла татарская мышь.
Крымская память – как стены без окон и крыш

Где волны лижут по-собачьи
сухие пальцы берегов,
чужая птица часто плачет
над влажным шорохом шагов.
Мне это место всех дороже.
Здесь неподвижны небеса.
Здесь спит на осторожном ложе
морская зябкая коса.
И здесь я вижу над водою
фигуры в светлых облаках.
Но солнце белою рукою
их превращает в тлен и прах.
Я родилась с печалью острой.
Мне девяносто лет и дней.
Я скоро буду в море остров.
И стану – луч среди теней.

Сумасшедшие метели
на Одессу налетели,
заблудились в тесноте
среди баров, книжных будок,
среди снежных незабудок
в новогодней суете.

Последняя среда

Белый порт кричит печально,
что его волной качает,
что испуги стаи чаек
стынут сталью кораблей
среди пирсов, среди кнехтов,
среди замерзших как пальцы,
над колючей шерстью моря
кранов, мостиков и рей.
Мы не станем, мы не будем
возвращаться в утро буден,
мы найдем под фонарями
сто придумок, сто затей
старой сказочной Одессы –
халамидницы, повесы –
удивительной столицы
удивленных кораблей.

Свободный Киев

*Склоняли долго мы главы
Под предводительством Варшавы,
Под самовластием Москвы.
Но независимой державой
Украине быть уже пора...
А.С.Пушкин «Полтава»*

Как в чешуе горячей Киев
в лучах рассветов и закатов
плывет, чтобы уплыть однажды
на юго-запад.

В Днепра обжитых, теплых чашах,
в обугленных его глубинах
неравномерно бьется сердце
Владимира.

С востока свет идет неверный
походкой торопливой девы,
ведет дорогу за рубеж,

Последняя среда

чтобы, преодолев пределы
Отечества, познав покой
Литвы лукавой и Варшавы,
вновь повернув домой, к востоку,
младенца выплеснуть в Подол.

Свободный Киев, полюби
прекрасную, как жизнь, Европу!

Но в чешуе горящей Киев,
как воин гордый, с кровью рыбьей,
не принял дара - дочери русой.
Он вдруг заголосил по-русски.

И вот над Киевом заклатье -
с мечом, в блестящем рыбьем платье,
застыла баба над рекой
с литою поднятой рукой.

И под пятой застыл Владимир,
и княжий город под пятой.

Память словно дождь и солнце,
я то плачу, то смеюсь,
бо під серцем моїм б'ється
моя Киевская Русь!

1986

Единство

Ладонь у долоню,
долоню в ладонь.
Переклик чистых «до».
Единство дум, братерство мов
скрізь соль и сіль - в одно.
Мій тато родом из-под Брянска,
а ненька - з степу, з понад моря.
Я росіянка. Я ніколи
там не була, откуда корнем
меня питает мой язык.

Последняя среда

Мій голос сызмальства привык
звучать среди дерев других,
де не берези – де каштани
біля дніпровських сивих круч.
Я дочь країни вільной, мамо?
Я русским именем зовусь.
Яке це щастя – раздвоївшись,
помножитись серед своїх:
пісні чарівні України,
России просветленный стих.
1985

АЛЛА ШАРАПОВА

Украине

Увенчается счастьем мятеж,
Повезет и тебе, недотепе...
Может, в Бахмаче яблочко съешь,
Мирабель поклюешь в Конотопе.

И сестра твоя так же мала,
Никому не процвествь от раздела.
Так она тебя долго ждала,
Что с тоски твои песни запела.

Как теперь? Разгостишься в гостях –
Или, от безъязычья чумея,
Возопишь на отцовских костях,
Как погибшая дочь Кочубея?

Андреевский спуск (дни Турбиных, Лариосик)

Зимой мудрено не упасть на Андреевском спуске.
О, жаркая, рыжая, с бантом и в праздничной блузке!
Спешил к вам, затылок ушиб и расквасил колено,
Нестоек, непрочен и ростом не вышел, простите!
Я вот вам принес – своих витязей вы угостите.
Привет от Житомира Стольному граду, Елена.

Последняя среда

Смешались родной украинский, немецкий и русский!
Бушует, взывает метель на Андреевском спуске.
Гремели орудья, потом вы играли Шопена
При слабенькой свечке. Зачем так дрожат ваши пальцы?
Конечно, вы знаете, я человек не военный,
Я пить не умею... Смотрите-ка, ишь разболтался!
Но мне вот сейчас показалось... Вам больно, Елена?
Вы лучше нас всех, только жаль, что забыли о тайне,
О таинстве грозном, когда преклоняли колена...
И кто за вас, милая, встанет на этой Украине?
Кафейная гвардия в кремовых шторах, Елена!

А все же я смелый! Ведь улицы в Городе узки,
И скользко, особенно здесь на Андреевском спуске...
Нет, вы не виновны, вас первой коснулась измена,
Зачем же мне Троей над Стольным повеяло градом?
Простите меня, я чего поопрятней надену,
Чтоб не было стыдно пред елкой сидеть с вами рядом.

Нас предали, милая. Скользко, темно...
Я люблю вас, Елена.

1984

В черных телеграфных проводах
Запевают звездные хоралы
Что-то о веселых поездах,
Малость не домчавших до вокзала.

Только крест приблизится к кресту
И кресту прошепчет: "Вы тут крайний?"
И считаю за верстой версту
Вдоль от Магадана до Украины.

И пока, свиваясь, темнота
У твоих ресниц не заклубится,
Спят на электрических крестах
Белые фарфоровые птицы.

Последняя среда

И, урвав какой-то сладкий миг
От забот ночного перелета,
Ястребы бросаются на них,
Как на хаты бомбы с самолета.

И летят, голодные, назад,
Лишь побьются клювы по фарфору,
Да глядят бездонные глаза
В филиново око светофора...

“Я к тебе, единственный мой друг!
Видишь, я прозяб до подноготной,
Кровь больная просится на юг
От клопов, от пагубы цинготной.

Я давно хотел. Но кровь раба
Не пускает в дальнюю дорогу.
Вроде бы осел, моя судьба,
Стал поприживаться понемногу.

Там ведь тоже город – Магадан.
Там другое море – но ведь море...”
(Видится ему упругий стан,
Силуэт на вылинявшей шторе,

И как золотого светлячка,
Чуть не захлебнувшегося в рюмке,
Вынимала тонкая рука,
Как потом он гладил эти руки.

Тридцать лет как нет ее руки, –
И еще найдешь такую где же?
А в лесу на юге – светлячки,
И всегда они одни и те же!)

“Равновесья не сулил тот год,
Все тряслось, шарахалось, металось...
Девочка моя, послушай вот,
Понимаешь, что мне намечталось?

Последняя среда

Чтобы Рай, Чистилище и Ад
Взять на землю из мечты поэта...
Почему твои глаза горят?
Я ведь просто так. Прости мне это.

Слушай! Размотал я двадцать лет,
Двое нас осело в Магадане:
Я да мой сокамерник–сосед,
Мы с ним воевали у Тамани.

Пучеглазый этот крокодил,
Денщиком служил он у комдива –
Как на бал, расстреливать ходил,
Падают по одному, красиво,

Это, молвит, надо понимать,
И глаза у самого смеются.
Как хотелось руки мне размять,
По стене трухлявой размахнуться,

Чтоб ни этой рожи, ни стены...
Но одними русскими попами
И одной мы верой крещены
И одними кусаны клопами –

Спинами же спим к одной стене...
Одного лишь не могу постичь я:
Почему ты улыбнулась мне
Из твоих туманов, Беатриче?

Ты меня простила? Как летят
Верстовые! Разве в силах спать я...
С каждой высоты они глядят,
Эти птицы, с каждого распятья!..”

Он к утру забудет обо всем,
И столбы и думы канут в бездну.
Лишь вагон последним колесом
Медленно гремит по переезду.

1971

ЮРИЙ ДЕНИСОВ

Чумак

*В Украине Млечный путь
называют Чумацким шляхом*

Поскрипывает тяжкий воз,
И вслед за ним скрипят другие –
Неспешно тянется обоз
Из южных далей в даль России.

Ступают медленно волы,
И с люлькою в зубах утешной
Бредет чумак, парят орлы
И солнце движется неспешно.

Так, выбрав лучшую из доль,
Чумак иной не хочет доли:
Быть может, дорогая соль –
Предлог для неоглядной воли.

Пустая степь, вечерний шлях
И ковылей ночные ласки...
Блукают взгляды в небесах,
Где тускло светит Шлях Чумацкий.

По бесконечности дорог,
Скитаясь, он свершает требы,
И, может быть вся жизнь – предлог
Для созерцанья звезд и неба.

Каменец–Подольский

Смолкли споры о землях, о вере –
Безразлично, какая права.
Бродят куры в зачахнувшем сквере,
Все дряхлее забитые двери,
Все желтее под ними трава.

Никому теперь город не страшен,
Никому он не друг и не враг.
Спят часы католических башен,
Чья краса рассыпается в прах.

Последняя среда

Древний город – событий могила;
Пусть другие уходят вперед!
Там, где столько происходило,
Ничего уж не произойдет.

Паутина и пыль в каждом храме...
Где, История, поступь твоя?!
Только пышными лопухами
Разрастается тишь бытия.

Полтава

Первый слог в твоём слове не половину означает, а
полноту. Вставай! Начинается таянье холода, талые воды,
полоумное половодье.

Полтава! Полные влаги прохладные травы.

Полтава! Полные рыбой скользкой ставки и ставы.

Ставни на беленьком домике детства, ласково дышащая
цветами земля.

Полные солнца поля!

Полтава!

Слышишь ли, каким отдаленным эхом откликается тебе
полнозвучная слава?

Полтава! Статная плавная молодница, чьи полные груди
сулят арбузно округлое лето.

Я, наконец, добрался в Крым –
Преддверье солнечной свободы.

Я только слышал, что за ним

За горизонтом голубым

Живут беспечные народы.

О птицы, волны, облака!

И я хочу презреть границы.

Влекусь, и мучусь, и зову –

И мне б увидеть наяву

Тот южный рай, что с детства снится!

Последняя среда

Стихийных волн стихийный лад,
Валов грохочущие хоры...
Нет, я не оглянусь назад –
Там, впереди глаза слепят
Морей сверкающих просторы.

Там дышат солнцем города,
Там страстны радости и горе.
Там дни ленивы, как годы,
Там я остался б навсегда
В эдеме Средиземноморья!

1981

ИЛЬЯ ТРОФИМОВ

Мне снятся кошки
Города Алупки.
Их худоба,
Их маленькие шубки.
Их голоса во мне
Всю ночь звучат,
И кажется мне,
Что они ворчат,
Ворочаясь
Среди листвы опавшей,
Всё зная
О судьбе моей пропавшей.

Тем, кому наскучили пирушки,
По определению знаком
Час,
Когда купаются старушки,
Смуглые
Как кофе с молоком.

Последняя среда

В этот час
Видны как на ладони
В дымке розовой
Плывущий теплоход,
Храма силуэт на неба склоне,
Юноша,
Собравшийся в поход.

Я не знаю:
Утро или вечер...
Важен только
Бледный этот свет,
Эти неразборчивые речи,
Этот вознесённый силуэт.

Живу, как должен жить художник –
Вино, кино...
Смотрю.
И крымский подорожник
Глядит в окно.

Услады дней –
Что действие напитков,
Когда их вкус неотличим,
И мы с тобой как раз молчим,
Часы считая по улиткам.
А кот, живущий у скалы,
Глухие слушает валы.

Дни измерены

Зарастаю грязью и солью.
Обрастаю хозяйством...
Назовёшь
Двухнедельной юдолью
Или вечным моим
Распи**йством?

Последняя среда

Здесь почти
Не проходят евреи,
Пахнет временем, солнцем
И пылью.
Дни измерены
Смятой постелью
И какой-то несбывшейся
Былью.

Ах, текуча телесная форма!
И желудок испорчен навеки...
Но твои,
Как последствия шторма,
Хороши
Утомлённые веки.

Пахнет смятой постелью
И юбкой,
И дворнягой тигровой масти
Обегаются сутки Алулки
В ритме
Неутомительной страсти.

АЛЕКСАНДР ЕВДОКИМОВ (ХАРЬКОВ)

Родина

Когда в дом прыгал переулочек
и шум стоял во всех углах,
(из кухни – запах свежих булок,
и самолёты в облаках,
и солнце мая у штурвала):
не снилось мне, что за углом
страна тяжёлая вздыхала,
махая гипсовым веслом.

Последняя среда

К чему страна? Какие войны?
Есть перочинный нож в руке.
Мы может, даже недостойны –
жить в этом, лучшем, уголке.

Страна темнела, загибаясь,
а мы кричали: «Рок давай!»,
и ехал, телом извиваясь
и рассыпаясь, в ночь трамвай.

Консерва с килькою в томате.
Солдат уснул на автомате.
Ребёнок тырит пять рублей.
Днипро, Кура и Енисей –
вот реки Родины моей.

Дорожное

Бесконечность пыльного вагона
поедает пёстрых челноков.
Выбегает песенка про зону
из вокзальных, брошенных ларьков.

Пассажиры достают из сумок
разную дорожную еду.
Бьёт о дверь ногою недоумок
и смеётся хрипло в пустоту.

А за ним – тягучее пространство,
тот покой, где место для меня,
стук колёс, ночное постоянство,
площадь для печали и огня.

Лесостепь струится в долгом взгляде
на события и города.
«Эти проживают бегства ради» –
говорят волнами провода.

Мир вокруг незыблем и устойчив,
космосу покорны огоньки.
Проводница опускает очи
и т.д.– сплошные сквозняки.

Последняя среда

Скор пасс

В проездном документе моём
всё изложено – поезд, на нём
три часа. Говоря речью касс
получается: «скор» этот «пас»,
(расставания и облака
несущественны проводникам).

Интересно наличие цифр
в Гуляй–поле – где истинный шифр
шорох трав, свист ветров и кнута,
эхо дальнее тра–та–та–та,
волны щебета, кости врагов,
перезвон местечковых богов.

Краток текст: поезд здесь и сейчас,
точен для отправления час,
всё указано – место, цена,
класс и то, что страховка должна
быть получена (адрес) вдовой
если случай, кирдык, страховой.

По накатанной. Бред как всегда.
Над полями волной провода...
Жизнь прозрачна на ж/д стезе.
Мы гудим, отражаясь в грозе.
Пластик стен с номерами и ритм,
подходящий для сердца и рифм.

Арест

Когда тебе заломят руки
ребята в серых пиджаках,
смотри в брусчатку и от скуки
мычи невнятно «эх» и «нах».
Будь созерцателем примерным,
когда закинут в автозак.
В часы войны нельзя быть нервным,
как говорил, к мадам, Бальзак.

Последняя среда

И вот – везут Свободоградом,
прохладой стелятся сады,
и лишь поэзия отрадой –
молчи её – на все лады.
Платочек шёлковый в кармане
весьма испачкан, господа.
Закончим бытописание.
Судье подсчитывать года.
«А вообще» – шептали губы –
«со мной придётся попотеть.
Фак оф про смерть пропойте трубы!»,
(со ртом разбитым трудно петь).

У края

На Украине, а значит у края,
хлеб рифмуется в рифмах дождей,
в рифмах солнца – до самого рая,
(где тот рай, расспросите вождей).

Рифмы вечные, сроки земные,
разливные огни городов:
уплывают слова кучевые
через край, за блокноты садов.

На футболке, висящей меж хижин,
пулевые раненья от вишен.
Прошлогодний узор на груди
дождь стирает. Идёт Eurovision
по второму. Меня не буди.

Хата с краю стоит бастионом,
посреди шелестящих дорог,
мимо едут, звенят дальним звоном.
крутят дули, теряют сапог...

Возле тына игрушка – солдатик
охраняет обрывок земли,
а за тыном безумье галактик:
ляхи с турками, москали.

ОЛЕГ КАРПЕНКО (ЧЕРКАССЫ)

Переулочок Маяковского. Частный сектор.
Сочится из трещины ручей.
Интимно мерехтит прожектор
над свалкой мокрых кирпичей.
Визжит как курва пилорама
и долотом стучит балбес...
И до сих пор открыта рана
незаживающих небес.

Здесь, по другую сторону забора,
Где, узкий, Леты тянется ручей, –
Мир, как он есть, оставлен без разбора,
Бесхозный, неподписанный, ничей.

И даже небо, – здесь оно иное,
Прозрачное, без привкуса вины,
Иконописца зрение сквозное
В нём достигает высшей глубины.

Казалось, распадётся без проклейки.
Но, видишь: дышит мудрая душа,
Под монотонный звон узкоколейки,
Сквозь сломанные стебли камыша.

Хрустят морозом стянутые лужи.
Изнанка неба в сполохе свинца.
И – первый снег, лохматый, неуклюжий,
Летит на ошупь, над травую кружит,
Доверчиво касается лица...

ДК

В заброшенных домах культуры
пусты заглохшие фонтаны.
Муз гипсовые изваянья
белеют сквозь кусты чертополоха.
И то пройдёт олень,
то белочка заскачет,
но нежный егги в глушь проковыляет
(но говорят, что это прежний сторож),
то – если в небе полная луна –
завоет волк, как нудная собака,
и снова, снова,
снова тишина.

Но времени диктату вопреки
прекрасна прохудившаяся площадь,
где злаки заплетаются в венки
и их съедает замшевая лошадь.

В жару заметно подсыхает пруд,
и сонной ивы выгнутые ветки
указывают где был найден труп
утопленницы–пионерки.

Тут я люблю задумчиво бродить,
отряхивая с чувств напрасное стеснение,
и вольным мыслям просто находить
немыслимое прежде объяснение.

Лопух, люцерна, клевер, хелидон,
на листьях яблонь скачущие блики,
и бабочка парит как Купидон
над зарослями ежевики.

Здесь время поработало киркой,
оставив, впрочем, на привычном месте
всё созданное зодческой рукой, –
так кладбища целителин покой
душе, Психее, бабочке, невесте...

Последняя среда

Когда ты здесь – мгновенью нет цены,
а в дебрях Пан балуется с дудой,
и сладкие младенческие сны
в сознании проходят чередой.

Прогулки

Я полный идиот, и нету мне предела!
В высоком воздухе проносится: «шалишь».
От суффикса до от, я слово переделал,
И ты меня другим не удивишь.

Ты помнишь, как мы шли,
Как сыпались каштаны,
В тот день, когда потом я пропивал штаны?
Но разве дело в том?
Но ночи воздух странный,
И мысли благодать,
Что с жизнью мы равны.

Она, накоротке, блуждала где-то рядом.
Возвышен был портвейн, и кортик в рукаве,
А кроме – ничего, нам ничего не надо:
Под каменной луной, на голубой траве...

Пограничник

Пограничник не чувствует больше границы
Он опять перешёл за святую черту
То с кустами постылыми силится слиться
То с моста посягает набрать высоту

Он не помнит в какой он проснулся державе
Но в глазах индевет польнь да польнь
А по небу плывут облаков дирижабли
В героический град Шаолинь

И врубив ключевую настройку
Навсегда из себя выходя
Он кидает все танки на барную стойку
В ретушь серого злого дождя

Последняя среда

За бойцов полыхающих в небе
За подкошенный маком Донбас
Он в ржаную влюбляется корочку хлеба
Как в русалку Кусто–водолаз

А потом аккуратной походкой
Он курсирует полудомой
И луна ему пахнет распаханной водкой
И волочится снасть за кормой

АНДРЕЙ ПУСТОГАРОВ

Кременчугское водохранилище

Ставни сомкнуты. Жар свирепеет
над горою. Сквозь щель,
зашипев, солнца желтые змеи
заползли к старику на постель.

Прямо в волны ныряет дорога,
и посыпались с кручи сады,
что же счастья сегодня так много
в распростертом сиянье воды?..

Слышишь – степь пересохла до хруста,
ночь лежит на боку в будяках,
солнца с кровью отхаркнутый стусок
в оседающий выплюнув прах.

А над морем в лохмотьях заката,
в хриплом пепле ворон
кривобокая белая хата
как горящий стоит Илион.

На Шестнадцатой станции был шалман
в середине трамвайного круга.
Когда на море падал туман,
для мужчин лучше не было друга.

Последняя среда

Там на столик без стульев ставили пиво
и в него доливали водку.
Если кто себя вел крикливо,
его сразу брали за глотку.

А о чем толковали, поди теперь вызнай –
я дитем был с памятью куцей.
Но, наверно, они говорили о жизни
после войн трех и революций.

И о том, что их время уплыло,
и хоть скучно, зато спокойно
доживать средь глубокого тыла –
ни бомбежки тебе, ни конвойных.

А что дед вспоминал, я не знаю,
запивая что-то компотом:
как мальчишкой совсем в журавлиную стаю
он с тачанки бил пулеметом?

Или после, опять с пулеметом,
на Дону прикрывал переправу
и с немецкого берега кто-то
отстрелил три пальца на правой?

И в трамвайном круге ль, овале
моря шум нарастал постепенно
и мальцу напоследок давали
отхлебнуть пива белую пену.

Лиман

Заскрипит облаками, ветрами –
точно к морю за солью возы.
Затрепещет зеленое знамя
виноградной лозы.

Камышами зашепчут лиманы:
«Где-то рядом сады Гесперид».
И живая вода из-под крана
по корявой земле побежит.

Последняя среда

Дорожная

Безъязыкие земли, глухая судьба,
ковыли, украины, россии...
Горький пот утираешь со лба,
долго поезд стоит у столба,
затяжных перегонов мессия.

Забивает зрачок неподвижная ширь,
степь да степь неподъемна для глаза.
Водокачка, забор, КПП и пустырь –
край родной, узнаю тебя сразу.

Но едва теплый солнечный прут
сдвинет туч запыленные шторы,
сразу жить соглашаешься тут,
сразу сердце несется, как скорый.

Свежий ветер во весь разворот
да лазури удавшийся отжиг –
и короткая радость цветет
на усталой одежде прохожих.

С. Жадану

когда ранний серый свет
вымывает из-под век быстрые сны
и предметы нехотя встанут на свои места
выходи из вокзала
в сырой черно-белый воздух
что глубоко дыша
нагоняет тебя на обочине
за сельским костелом
в пять часов утра
тебе выпало испытать на себе
позеленевший от непогоды механизм путешествия
с хрустом сдвигается битый трос дороги
и приводя в движение деревья столбы и колокольни

Последняя среда

начинает проворачиваться гнутая катушка равнины
луч из-за горизонта дрожа
рисует на облаках красные буквы
и нежные черви
выползают умирать на асфальте

ночью на станции Чоп
поезд меняет колеса
и золотозубые цыгане
растянут во все небо свои аккордеоны
и вот тогда в поезде без колес
перед пограничным контролем
сквозняк проведет по лицу пальцами
отдающими гарью
новой листвой
и путешествием
атракционом на пустыре
под весенними облаками

Ожидая Путина

Пародия на украинское

К. Кавафису

- Зачем толпятся на Майдане украинцы?
Сегодня Путин прибывает.
- Бездействует что ж Рада и закрыто заседание,
не издают законов депутаты?
- Сегодня Путин прибывает.
Зачем законы депутатам издавать?
Прибудет Путин, у него свои законы.
- Зачем же президент встал спозаранку
и в зале VIP аэропорта горилку нервно пьет?
- Сегодня Путин прибывает.
Давно уж заготовлена бумага
о Воссоединении с Россией.
Ее преподнесет наш президент.

Последняя среда

– Зачем же наши олигархи
в расшитых красных шароварах появились,
зачем на шеях золотые цепи,
зачем в руках – из платины трезубцы?
Зачем у них сегодня те трезубцы?

– Сегодня Путин прибывает,
он любит строить олигархов.

– Что раторов достойных не видеть?
Как непривычно их речей не слышать.

– Сегодня Путин прибывает,
все речи будет говорить Павловский.

– Однако, что за беспокойство в городе?
Что опустел Майдан?

И почему, охваченный волнением,
народ скупает доллары в ларьках?

Спустилась ночь, а Путин не приехал.

И в новостях сказали,
что он катается на лыжах.

И что же делать нам теперь без Путина?

Ведь это был бы хоть какой-то выход.

2005

УГОЛОК ПЕРЕВОДЧИКА

АНДРЕЙ ПУСТОГАРОВ

Сухая кровь перевода

*«Не искушай чужих наречий, но постарайся их
забыть –
Ведь всё равно ты не сумеешь стекла зубами
укусить!*

.....
*Что если Ариост и Тассо, обворожающие нас,
Чудовища с лазурным мозгом и чешуей из
влажных глаз?»*
О. Мандельштам

Если Мандельштам прав и нам не понять, что за реальность стоит по ту сторону перевода, то зачем переводить? Заглянув в Большой англо-русский словарь, легко заметить, что почти у каждого английского слова около десяти (а то и двадцать) значений на русском. Итого примерно 10 в степени N вариантов текста, состоящего из N слов. О каком «объективном» и «точном» переводе может идти речь? И что делать переводчику? Самовыражаться? Честнее было бы заняться этим в оригинальном творчестве.

Итак, где взять критерий? Если автомобиль, инструкцию к которому вы перевели, заводится и едет – значит, вы перевели правильно. Если автомобиль не трогается с места – выбросьте свой перевод. Но если вы переводите не инструкцию, а поэзию. Как быть в этом случае?

Мне нравится такое определение цели искусства – вызывать чувство счастья. Тот же критерий следует применять и к переводу. Но что нужно сделать для достижения этой цели? Попробую зайти с другой стороны.

Перевод, по моему убеждению, должен заполнять лакуны в литературе на родном языке, привносить то, чего не хватает здесь и сейчас. Все слышаны о современном кризисе русской поэзии.

Последняя среда

Собственно, поэзия всегда в кризисе, поскольку ей все время нужно заново соединять вечное и сегодняшнее. Но с этим у нас не ладится уж слишком давно.

Наступившие времена требуют мышления цепкого и конкретного. Но только прививка вечного способна защитить человека от умственных эпидемий, от манипуляций, взятых на вооружение и распространяемых обществом. Соединить изощренность ума с радостным ощущением полноты жизни удалось англоамериканскому верлибру 20 века – Уитмену, Сэндбергу, Паунду, Гинсбергу. Это то сочетание, о котором говорил, обращаясь к Горацио, Гамлет: «Счастлив тот, в ком страстность и трезвый ум так сочетаются, как у тебя». Нелишне было бы взрастить эту традицию и в наших палестинах.

Такого русского верлибра почти нет. Традицию эту начинал Хлебников («Труба Гуль-Муллы»), но она прервалась. Один из многих ее образцов – неизданная при жизни автора поэма Луговского «Алайский рынок». Следует, конечно, вспомнить и о верлибрах Бродского. Опыт англоамериканской поэзии отозвался в его лучших рифмованных стихах. Верлибрам же Бродского ума не занимать, а вот с радостью в них туго. Сто очков вперед по этой части даст им доходяга Луговской, сидящий «на каменной приступочке у двери»: «Какое счастье на Алайском рынке, когда шумят и плещут тополя!» Почти то же, что и о верлибрах Бродского, я могу сказать о верлибрах большого русского поэта Евгения Рейна: его «рифмованные» стихи нравятся мне гораздо больше. Верлибры Рейна – как будто продолжение книги поэм Луговского «Середина века». Но если безжизненной речью Луговского делал вставной протез коммунистической идеологии, то Рейн, отбросив этот протез, воспроизвел внешнюю форму поэм Луговского, но, увы, не нашел для нее внятного содержания.

Итак, англо-американский верлибр 20 века мог бы, по моему мнению, стать «свежей кровью» для русской поэзии. Но эта «свежая кровь» теряет едва ли не все свои качества при пересечении границы двух языков. Осознать и освоить опыт англоамериканского верлибра мешает сложившаяся традиция переводов с английского. Собственно, это и неудивительно. Единственный инструмент для перевода – сама русская поэзия. Чего не хватает современной русской поэзии, того еще сильнее будет не хватать переводу. И пере-

Последняя среда

вод, как тусклое зеркало, будет убеждать, что везде пишут и писали примерно так же, как и у нас.

Все же я считаю, что этот замкнутый круг можно разорвать. Но сначала попробую объяснить, что меня не устраивает в большинстве переводов с английского.

2.

Такое впечатление, что многие переводчики за чистую монету приняли слова из стихотворения Пушкина:

Не для житейского волнения,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновения,
Для звуков сладких и молитв.

И если «все в жизни лишь средство для ярко-певучих стихов», то кто же будет присматриваться к этому «средству», а тем более радоваться прежде всего ему, а не «ярко-певучим» стихам и сладким звукам? Богатая самыми разными вкусами жизнь может вызвать расстройство желудка, и в качестве единственного напитка предлагается сахарный сироп.

В книге переводов ирландских поэтов «Мед и мазут» есть «Хопуэльские хокку» Пола Малдуина. Одно хокку о сбитом машиной олене. У дороги лежит, согласно переводу, «олень семирогий». Что и говорить – волшебная страна эта Ирландия, Мюнхгаузен отдыхает.

Между тем в оригинале на соседней странице черным по белому написано «с семью зубцами на роге». У меня в прихожей висят рога карпатского оленя. Я подошел и пересчитал. На каждом роге было семь зубцов. Я поверил поэту – он действительно видел этого оленя. Для меня это было важно. Видел ли когда-нибудь оленя переводчик? Вместо окровавленного прекрасного животного, сделанного именно из крови и плоти, русскому читателю предлагалось подивиться на нелепого мутанта. Я «пристал» к этому переводу потому, что он кажется мне характерным.

Есть своего рода «культовое» стихотворение Уоллеса Стивенса *Thirteen ways of looking at a blackbird*, что я бы перевел как «Тринадцать способов разглядеть черного дрозда». Его много раз переводили на русский. Одна из строчек непременно звучит так: «он

ехал по Коннектикуту в стеклянной карете». Какой изысканный и глубокий образ – предлагается подумать читателю. Что-то тут не так, подумал я. Какой-то это странный способ разглядеть дрозда. Я набрал слова «glass coach» в поисковой системе Интернета. Система, в частности, выдала картинку – такую изящную карету обычно заказывают на свадьбу для жениха и невесты. Стеклянного в ней разве что окошки. У первых переводчиков, конечно, не было под рукой Интернета. Но, думаю, дело в другом. Уж очень им приглянулась в качестве транспортного средства эта стеклянная карета, не проехавшая бы и одного метра. Они желали наслаждаться глубокомыслием конструкции, а не ехать.

Не менее известно, чем «Тринадцать способов...» стихотворение Аллена Гинсберга «Калифорнийский супермаркет». Его тоже много раз переводили на русский. Уолт Уитмен, испытывающий, как и сам Гинсберг, влечение к мужчинам, заговаривает в супермаркете с молодыми продавцами: «Who killed the pork chops? What price bananas? Are you my Angel?» Большинство переводчиков предлагает примерно такой вариант: «Кто заколол поросят? Сколько стоят бананы? Ты мой Ангел?» Вряд ли кто-нибудь способен достичь успехов в знакомстве, начав с такой фразы. (Один небезызвестный украинский переводчик пошел еще дальше, опубликовав вариант: «Кто убил эти котлеты?») Но, по мнению переводчиков, так должен изъясняться настоящий поэт. Насколько же ярче звучит третья фраза, если не «убивать» ее нелепыми «поросятами», если вспомнить, что для поэта жизнь всегда важнее стихов и для старого Уитмена главное – вовсе не ошеломить собеседника странной фразой. Все подтексты сохраняются, если перевести просто: «Откуда эта свинина? Почем бананы? Ты ли это, мой ангел?».

Во всех трех случаях переводчики выбрали наиболее «поэтический» вариант. Беда в том, что поэтический он именно в распространенном смысле, то есть, как это ни странно на первый взгляд, наиболее банальный и неинтересный.

Я где-то читал, что в недалеком будущем солдат, участвующий в боевых действиях, будет брать с собой пакетик с собственной сухой кровью в порошке или гранулах. В случае ранения в полевом госпитале эту сухую кровь разведут физиологическим раствором или водой и перельют хозяину.

Последняя среда

Это непросто сделать, чтобы перевод привнес «живую кровь» в русскую поэзию. Но, если предлагать под видом крови одну воду или физиологический раствор, толку не будет. Нужна именно другая кровь, другой, отличный от русского, взгляд на мир.

3.

Точно так же, как в основе современной поэзии на английском, ее взгляда на мир, лежат пьесы Шекспира, так же и в основе традиции русских переводов с английского лежат русские переводы Шекспира, в частности переводы «Гамлета». Всего уже сделано более двадцати различных переводов этой пьесы. Вынужден признаться, что сделал это и я. Сделал по довольно простой причине – уже существующие меня не устраивали. В них я не нашел того Шекспира, от которого «произошли» Уитмен и Паунд. В предисловии к одному из последних переводов «Гамлета» написано примерно так: «герои часто просто декламируют, такое впечатление, что для них важнее как сказать, чем что сказать». Это не герои, это переводчики. Мой подход был таким: никто в пьесе (как и в жизни) ничего не говорит просто так, любое свое слово персонаж произносит для чего-то и смысл всегда становится понятным из самой пьесы. В упаковке изощренной речи всегда находится смысл, упаковок без содержания в «Гамлете» просто нет. Смысл для Шекспира всегда важнее «поэтичности». Многие «темные» места делаются понятными, если посмотреть на них с этой точки зрения.

Раньше переводчики архаизировали Шекспира, теперь к этому часто добавляется вульгаризация. Напрашивается сентенция, что архаизация при переводах убивает трезвый ум, а вульгаризация – страстность. Но, прежде всего, они и вместе и по отдельности убивают именно сочетание трезвого ума и страстности. И в том, и в другом случае теряется точность. А «поэт есть тот, кто должен знать все до точности», – писала Цветаева.

Приведу два примера. В монологе «*To be or not to be*» перед вопросом «Когда мы усользем от суматохи жизни, что нам привидится в сне смерти?» стоит фраза «*there's the rub*». Словарь говорит прямо – «вот в чем загвоздка», «*rub*» – это натертое место, камешек в ботинке, гвоздь из стельки. У одного В. Раппопорта я нашел этот

Последняя среда

«непоэтичный» вариант – «загвоздка», который сразу чувствуешь на собственной шкуре. Большинство отделалось общими словами, вроде «трудность» и «в этом то и дело все». Один из современных переводчиков, «оживляя» Шекспира, написал так: «вот где шлагбаум». Не знаю, осознавал ли он переключку с Пушкиным –

Иль чума меня подцепит,
иль мороз окостенит,
иль мне в лоб шлагбаум влепит
непроворный инвалид –

но загвоздка в том, что вышло «тех же щей, да пожиже влей» – не Шекспир, а смутный отзвук Пушкина.

Или вот вместо бесчувственного «заскорузлого бурьяна, что впился в землю у переправы через Лету» вдруг возникают то «тучный плевел», то «жирная трава», то «болотная сонная ряска». Таких примеров можно привести сотни.

Я заговорил о точности, но что это за точность применительно к переводу? Ведь в словаре ее не найти.

Я думаю, что даже если по ту сторону перевода находятся «чудовища», то все равно мы должны предположить наличие у них эмоций. Иначе переводить, действительно, не стоит. Под точностью перевода я предлагаю понимать совпадение эмоции героя (и читателя) оригинала с эмоцией героя (и читателя) перевода.

Сравните ощущение от слов «камешек в ботинке» и от абстрактного понятия «препятствие». То же и во втором моем примере. Он взят из обращения Духа к Гамлету. Дух пришел, чтобы побудить Гамлета к мести. Если вместо «заскорузлого бурьяна» произнести приведенные мной варианты, ярость тут же улетучится и цель речи Духа пропадет.

Не хочется, чтобы мои слова звучали, как упрек переводчикам, особенно тем, что переводили в тридцатые годы прошлого века.

Мне кажется, что именно Уитмен, Паунд и Гинсберг (и, замечу, Фолкнер) помогли и нам, и самим англичанам, лучше понять Шекспира.

Русский поэтический язык, способный передать и Шекспира и англоязычных поэтов 20 века стал формироваться только в последнее время. Возможно, поэтому Пастернаку, по его собственным

Последняя среда

словам, пришлось выбрать в качестве языка для «Гамлета» язык чеховских персонажей. В результате получился не «политик, философ, воин» а, скорее, дядя Ваня, что и продемонстрировал Смоктуновский в известном фильме Козинцева.

Так всё-таки откуда взяться у нас поэтическому языку, способному обеспечить переход этой «живой крови» через кордон между английским и русским, если она сама и требуется для создания нового поэтического языка?

4.

Я думаю, стоит оглядеться по сторонам. После 91-го года внимание к себе привлекла украинская литература, преодолевшая в лучших своих проявлениях прежние народнические и фольклорные мотивы и настроения. Хочу отметить два имени, имеющие отношение к нашему разговору: Олег Лышега (1949 г.р.) и Сергей Жадан (1974 г.р.).

Лышега, первая книга которого в силу «стилистических расхождений» с советской властью вышла только в 1989 году, подчеркивал свое родство с Паундом и Лоуренсом. «Паунд и Лоуренс – как хрен и перец», – сказал он как-то о неприторном вкусе поэзии. Родство это – в интонациях стихов Лышеги, трагических и мужественных, обходящихся без сантиментов, но хранящих на дне радость:

из-под кучи сопревших черных веток
блеснули черви – молодые змеи –
в вывороченном дерне – тугие, свежие.

Лышега заново создает поэтичность. Он возвращается из топтанной зоны культуры на пограничья первобытных навыков и инстинктов, где эта культура когда-то и зародилась. Кистью руки в первую очередь воспринимает он окружающий мир. Руки гончара, прикасающейся к дереву, камню, глине, чувствующей жар костра, боль от ожога и укусов муравьев, «вспоминающей», как складывалась, из чего состоит человеческая психика. Другой источник памяти – мерцающие взаимопроникновения между человеком и зверем, между живым и неживым. Для этого создал Лышега свой бестиарий.

Последняя среда

Похоже, Лышега не ошибся в выборе отправной точки – англо-американской поэзии 20-го века.

Во всяком случае изданные в 1999 году в США «The Selected Poems of Oleh Lyshega. Translated by Oleh Lysheha and James Brasfield» были названы PEN-клубом США лучшей переводной книгой года.

Верлибры Жадана хранят внутри себя следы многих влияний. Несомненно для меня влияние Хлебникова, и не только напрямую, но и через писавших на украинском харьковских футуристов 20-х – 30-х годов прошлого века. Ощутимо присутствует и влияние украинского классика Богдана-Игоря Антонюча (1909-1937), в стихах которого отозвался Паунд. Сама же форма верлибра, похоже, пришла к Жадану от американских битников, от того же Гинсберга. Острые темы битников, их беспощадный глаз Жадан соединил с украинской пластичностью, с гоголевским миром ангелов и мертвецов. Сплав получился пронзительным:

Баржи плывут в Югославию,
ангелы чинят бакены.
Только деревья рвутся вверх,
чтобы, когда он позовет, быть к нему ближе.

Утром в город завозят овощи,
и, как золото, светится на солнце
песок, смешанный с кровью и вермутом,
на зубах и рубашках у грузчиков.

...Снег, как старинное полотно,
уложенный в выдвижных ящиках неба –
и он не укроет мою тоску.
Но сквозняк гуляет от кордона к кордону,
неразорвавшейся бомбой чернеет вокзал,
и одинокие ночные экспрессы, словно ужи в озерах,
плавают в темноте и плещут хвостами
вокруг моего сердца.

Последняя среда

5.

Вышло так, что, прочитав (а перевод – это самое внимательное чтение) Антоныча, Лышегу и Жадана, я почувствовал, как может звучать на русском, принося мне радость, англоамериканский верлибр. Я думаю, что Лышега и Жадан указали мне путь к переводам с английского. Я увидел, как может быть организован на языке, близком к русскому, не скатывающийся в скучную прозу или в напускное глубокомыслие, не пользующийся стандартными «красивостями» и насквозь литературной лексикой, а сохраняющий поэтический нерв, объединяющий вечное и современное, верлибр. После этого я, наверное, и сформулировал для себя, зачем мне нужно его переводить, что это за «сухая кровь», способная пересечь границы языков. Эту «сухую кровь» – сочетание трезвого ума и страстности – я замешивал на живой влаге украинской и, конечно, русской поэзии. Вероятно, я говорю только о фактах своей биографии. Будет ли полезен мой пример для кого-нибудь еще – Бог весть. Но, во всяком случае, я, как когда-то написал обо мне Жадан, «получил свой личный сатисфакшн». Поверьте, это немало.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

АЛЕН ГИНСБЕРГ

Подсолнечная сутра

Прошагав по грудам выпотрошенных консервных банок, я присел в огромной тени паровоза Южно-Тихоокеанской железной дороги. Я поглядел на склон с коробками двухэтажных домов, на закат над ним и застонал.

Джек Керуак, мой спутник, сел сзади на покореженную ржавую железную балку. Понурые, с потухшими глазами в окружении узловатых стальных корней под стволом паровозного котла мы думали об одном и том же.

Красное небо отразилось в маслянистом потоке, солнце кануло за верхушки холмов Фриско. В этой воде не водится рыба, в этих горах нет монахов-отшельников – мы здесь одни, неприкаянные, со слезящимися глазами, словно береговые дряхлые бродяги с изнуренными и жуликоватыми лицами. Гляди, Подсолнух, – сказал он. Мертвенно-серый силуэт, большой, точно человек, севший на кучу древних опилок.

Я вскочил от восторга. Я впервые увидел подсолнух. Мне пригрезились джаз Блейка, дьявольские ущелья Гарлема и Восточной реки, мосты, длинные и громохочущие, будто черствые сэндвичи в придорожных закусточных, сломанные детские коляски, черные лысые шины, не подлежащие восстановлению, поэзия речного берега – битые бутылки и презервативы, стальные ножи – нет ничего, что бы не ржавело, склизкая дрянь, ранящие, как лезвие бритвы, приметы уходящего времени и серый Подсолнух, замерший на фоне заката, до хруста пыльный и закопченный – сажа, смог и дым старых паровозов вьелись в его глаза, словно сплюснутая корона, свесился набок венец пожухлых лепестков, семечки выщербились из его лица. Устье солнечных лучей скоро сомкнется, как беззубый рот, и солнечный воздух вокруг его шевелюры станет

Последняя среда

клубком сухой паутины. Листья, точно руки, торчали на стволе – жест вцепившихся в опилки корней – точно куски треснувшей штукатурки осыпались с черных черенков,дохлая муха повисла у него на ухе.

Чертова битая рухлядь, мой подсолнух, моя душа, в ту минуту я любил тебя!

Эта грязь – не род человеческий заляпал тебя ею, а сама смерть и придуманные людьми паровозы, рубашка пыли на твоей потемневшей от железной дороги коже, копоть на твоих щеках, черная нужда на твоих веках, вымазанная сажей рука с открытой ладонью, или фаллос, или протуберанец – весь этот грязный индастриал – вся наша цивилизация запятнала грязью твой безумный золотой венец, неясные предчувствия смерти, запорошенные пылью позабывшие любовь глаза, засохшие корни в родной куче песка и опилок, долларовые бумажки, кожух машины, кишки раскученного вагона, свисающие на бок языки пустых консервных банок – о чем еще мне сказать? – торчащий конец недокуренной сигары, влагилица тачек, вскормившие нас груди цистерн, сфинктеры электрогенераторов – все впуталось в твои окостеневшие корни, и ты стоял передо мной на закате во всей своей красе!

Совершенная красота подсолнуха! Его совершенная прекрасная сияющая душа! Ласковое око природы, нацеленное на резво всходящую, красноватую, как ягода шиповника, растущую молодую луну, что беспокойно чувствует в закатных тенях рассветный золотой месячный приливный бриз!

Мухи роились вокруг тебя, невиноватого в своей грязи, хоть ты и клял небеса над железной дорогой и свою цветочную душу.

Несчастный засохший цветок? Ты забыл, что был цветком?

Глядя на свою чумазую шкуру, ты решил, что был старым грязным бессильным паровозом, тенью паровоза? Призраком прежде могучего бешеного американского паровоза? Да никогда ты не был паровозом, Подсолнух, ты был подсолнухом!

А ты, Паровоз, смотри не забывай, что ты паровоз!

И я выдернул крепкий позвоночник подсолнуха, и оперся на него, как на скипетр, и сказал своей душе, и душе

Последняя среда

Джека, и всем, кто меня слышал:

Мы – вовсе не наша грязная шкура, не мрачные пыльные безобразные паровозы, внутри мы прекрасные золотистые подсолнухи, благословенные семенем и добавленным к нему нагим телом в золотых волосках, что превращается в безумный черный остов подсолнуха на фоне заката, за которым следят из тени паровоза на усыпанном жестянками берегу на закате у холмов Фриско вечером наши глаза.

Калифорнийский супермаркет

Тем вечером я все время думал о тебе, Волт Витмен. У меня болела голова, я бродил по улицам среди деревьев, а сверху на меня пристально смотрела полная луна.

Пошагиваясь от голода, я вошел за вдохновением в супермаркет, и в памяти всплыли перечни из твоих стихов.

Какие персики! Какой колорит! По вечерам сюда идут всей семьей! Мужья толпятся в проходах, жены среди авокадо, детвора среди помидоров. – А ты, Гарсиа Лорка, что ты ищешь в арбузах?

Я увидел тебя, Волт Витмен, старого одинокого бездетного лесоруба. Ты тыкал пальцем в мясо, бросая взгляды на молодых продавцов в бакалее.

Я слышал, как ты по очереди спрашивал их: Откуда эта свинина? Почем бананы? Это ты – мой Ангел?

Я шел за тобой между рядами сверкающих банок, за плечом у меня маячил воображаемый охранник. Не попадаясь на глаза кассирам, мы в одиночку разгуливали среди стеллажей, грызли авокадо, пробовали подряд все фантастические замороженные деликатесы.

Куда нам пойти, Волт Витмен? Через час супермаркет закроется. Куда глядит острие твоей бороды?

(Я раскрыл твою книгу и увидел со стороны нашу сегодняшнюю одиссею, весь этот абсурд).

Ну что, прогуляемся по ночным пустым улицам? Деревья кладут одну тень на другую, в домах гасят свет, мы здесь одни.

Ну что, думая о той Америке любви, которую не вернуть, пойдем вдоль припаркованных синих машин к нашему тихому дому?

Последняя среда

Эй, отче, седая борода, одинокий старик, учивший мужеству, что же это была за Америка, из которой Харон увез тебя в своей лодке, и ты остался в тумане на берегу, глядя, как его шест пропадает из виду над черными водами
Леты?

С английского

ЧАРЛЗ БУКОВСКИЙ

№6

Я поставил на лошадь под номером 6
дождик
в руке – бумажный стаканчик кофе
не разбежишься
ветер сдувает воробьев
с крыши над верхней трибуной
жокеи молчаливо выстраиваются
перед заездом
морозящий дождь
стирает все различия
лошади мирно стоят бок о бок
перед нервной схваткой
нащупываю в пачке сигарету
обжужуь одним кофе
потом лошади проезжают
перед трибунами
увозя своих маленьких наездников –
траурно торжественно радостно
словно это раскрылись цветы

Остановка движения

Любить тебя при свете солнца, утреннего солнца
в гостиничном номере
над проулком,
где бродяги подбирают пустые бутылки,

Последняя среда

любить тебя при свете солнца в номере,
где ковер на полу красней нашей крови,
любить тебя, когда остальные торгуют
кадиллаками и заголовками новостей,
любить тебя в номере с фотографией Парижа
и открытой пачкой сигарет,
любить тебя, когда остальные бедолаги работают.
Тогда и сейчас –
расстоянье, наверное, в несколько лет,
но я думаю только об одном –
в жизни уйма дней,
когда она вдруг останавливается, как вкопанная,
и ждет, как поезд на путях.
Я прохожу мимо гостиницы в восемь и в пять,
в проулке кошки, бутылки, пьяницы.
Я смотрю на те самые окна и не знаю,
где ты и что с тобой.
Я иду дальше, и мне хочется спросить –
куда уходит жизнь,
когда останавливается?

Джейн

Джейн – с любовью, которой не хватило

Я тронул юбку,
тронул черный поблескивающий
бисер –
то, что прижималось когда-то
к телу,
и сказал Господу:
Ты – лжец,
все – сказал я – что
так прижималось
или знало мое имя –
оно не может умереть
по заведенному распорядку смертей,
и я взял в руки
ее прекрасную одежду,

Последняя среда

эту ушедшую красоту,
и сказал, чтоб меня слышали
все боги,
еврейские боги, христианские боги,
мерцающие осколки, идолы,
пилюльки, хлебы насущные,
глубины, случаи, риски,
заранее все спланировавшие,
наварившие на этих двух расставшихся безумных,
у которых не было ни одного шанса,
комариные планы, комариные шансы,
и я склонился над этим,
склонился над этим всем,
зная –
у меня в руках ее одежда,
но саму ее
они уже мне не вернут.

Веселая ночь в городе

надравшись, идешь по темным улицам какого-то
города,
ночь, ты заблудился, где твоя конура?
зайди в бар вспомнить кто ты.
закажи виски,
на стойке лужи,
рукав рубашки намокает.
Тут мухлюют – виски разбавленное.
закажи бутылку пива.
Сестричка Смерть в откровенном платье
подходит, садится рядом,
закажи для нее пиво,
от нее пованивает болотом,
прижимается к тебе бедром,
бармен скалит зубы.
Ты напрягаешь его,
он не знает, кто ты –
мент, киллер, псих или идиот.
попроси дать водки,

Последняя среда

налей ее через горлышко в бутылку с пивом.
Час ночи в тупом дохлом мире.
Узнай у нее, сколько будет с носа,
пей до дна из бутылки,
на вкус – машинное масло.

Уходи, оставив Сестричку Смерть,
оставив бармена с ухмылкой на лице.

Вспомни вдруг, где твоя конура,
конура с непочатой бутылкой вина
в шкафчике,
конура, где пляшут тараканы.
Хрустальная Звездная Срань,
среди которой любовь померла со смеху.

с английского

СЕРГЕЙ ЖАДАН

авиахим

мне уже вот-вот надо было на вокзал и я собирался
смотрел на утренние субботние балконы
свет столько света
женская стирка на веревках
грустные мотыльки за час до отъезда
я что-то слышал об этом празднике
видел людей что все шли на ипподром
десятая годовщина революции
цеппелины пламенели в небе как красные сердца коммунаров
и молоко на еврейском рынке нагревалось
покорное и тихое как гонимые апостолы
я даже глянул вверх надеясь хоть что-то разглядеть
и маленький резвый самолет уже кружил над трибунами
молодые авиаторы стояли на поле
как потрепанные библии
держа в руках записные книжки с номерами телефонов

Последняя среда

перебирая в карманах арахис и презервативы
глядели как самолет вдруг начинает падать
и пилот чтоб не врезаться в зрителей
направляет его на деревья

и я подумал боже блажен твой разлившийся свет
спасены твои дети что курят черный табак
спасены курильщики с пальцами коричневыми
как зрочки больных желтухой
спасены распорки твоих крыльев
все что переполняет нас
размеренность летних рассветов
роса на окне женский голос зовущий с балкона
переломленный как роза хребет авиатора
сладкий голубой воздух его противогаза

Паприка

На зеленые вспышки в овощей,
за двумя подростками, что взяли за руки,
идти по вечернему супермаркету –
девочка выбирает лимоны и сладкий перец,
дает поддержать своему парню, и, засмеявшись, кладет обратно.
На часах без десяти десять, они долго ссорились,
она хотела от него уйти, он уговорил ее остаться;
в карманы натолканы зеленые предметы,
золотые ассирийские монеты, таблетки от боли,
сладкая любовь, колдовская паприка.

вынесите наружу, ну, вынесите влажную душу –
каждый умерший плод, его земляничную кровь,
рыба, попавшая под винты старых пароходов в южных штатах,
фаршированная серьгами и шпильками панков,
стонет от кофеина в жабрах, черных болезней,
зеленого света, словно просит

вынесите, ну, вынесите меня отсюда к ближайшей стоянке,
ближайшему автосервису, к ближайшему холодному океану,
словно показывает, выгибаясь влажными душами,
пока винты в небесах над вечерним супермаркетом
кроят набухший соками воздух и кофеин запекается под ногтями

Последняя среда

вынесите, ну, давайте, спрячьте в карманах теплые зеленые вспышки,
положите под язык серебро и золотые монеты,
к ближайшему убежищу, ближайшему стадиону,
кровь за кровь, господь нас зовет, шевеля плавниками

Потому что так, как он схватился за нее,
я не смогу никогда ни за кого схватиться,
мне не дает безразлично пройти мимо эта мертвая плоть,
я слишком долго не решался, не в силах двинуться,
чтобы теперь не пойти за ними.

Ты ведь знаешь, что их ждет, правда?
там, где ты сейчас, там, где ты оказалась,
ты можешь все сказать им заранее –
еще два–три года золотого полудетского замирания в июльской
траве, растрачивания монет на отраву, и все –
память заполняет в тебе место, где была нежность.

Потому что так, как она боится за него,
я не смогу никогда ни за кого бояться,
потому что с такой легкостью, с какой она кладет ему в руки
эти теплые лимоны, я не смогу никогда никому ничего отдать;
пойду и дальше за ними
в долгих изнурительных сумерках супермаркета,
наступая на желтую траву,
держа в руках мертвую рыбу,
отогревая ее сердце
своим дыханием,
отогревая свое дыхание
ее сердцем.

Мормоны

Мормоны выстроили
церковь рядом с театром, разбили
пару клумб, многие теперь договариваются
встретиться именно там;

веселые, улыбчивые мормоны в строгих
костюмах, бледные после кровавых сумасшедших
уик-эндов.

Последняя среда

В новых церквях явно что-то делают с кислородом – их прихожане собираются поутру, вынимают все эти шаманские штуки, окровавленные пружины, хромированные крюки, на которые вешают жертвенные радиоприемники, и пишут кровью на стенах –

того, кто дошел до этого места, уже не остановит наш голос, того, кто прочел эти надписи, уже не спасет ни одно учение, идя по кровавому следу своей любви, помни о ядовитых змеях, что лежат на дне пакетов с биомолоком.

Когда я стану мормоном,
я буду стоять с друзьями на солнечной стороне улицы,
смеяться и разговаривать о погоде:
я каждое утро вычищаю из-под ногтей кровь,
потому что я каждую ночь раздираю грудь,
стараясь вырвать все лишние сердца,
что каждую ночь вырастают во мне,
как земляные грибы.

Минздрав

В окно больницы были видны яблони.
В это лето они так прогибались под тяжелыми дождями, что в нижних ветках запутывалась трава.

По утрам двор был пуст.
Знаете, летом есть несколько таких дней,
нет, не то чтобы самых длинных, скорее – размытых.
Еще пара дней – и все, конечно, проходит,
а потом и, вообще, начинается осень.
Но в те дни, часов в семь
в светлом небе видны были звезды,
что тускнели и гасли.

Женщины напоминали чеченских снайперш –
как у чеченских снайперш у них
были исколотые анестетиками вены
и злые глаза.

А мужчины напоминали просветителей Кирилла и

Последняя среда

Мефодия – как и просветители Кирилл и Мефодий, они были в длинных халатах, а в руках держали свои истории болезни, похожие на первые переводные Евангелия.

Утром, когда они выходили в сад и курили, звезды постепенно исчезали и шелестела трава.

Блаженно имя господне, – говорил Кирилл. – Блаженны руки его, из которых получаем мы хлеб ежедневный. Сестра-сучара, – переводил Мефодий кириллицей. – Опять зажилила морфий. Маляву писать надо, а то все без понта. И снайперши склонялись к их ногам, омывая стопы дождевою водой.

Есть непередаваемая стойкость в мужчинах, что выходят на больничный двор: всю жизнь работать на свою страну и, наконец, получить от нее холодный серый халат – из рук твоих, родина, смерть хоть горька, но желанна, как хлеб в войну.

Порой выходили сестры–плакальщицы и просили самых крепких вынести очередной труп. Тогда мужчины шли, а женщины держали в пальцах их сигареты, что тускнели, тускнели и постепенно гасли.

с украинского

РОДНАЯ РЕЧЬ

АНДРЕЙ ПУСТОГАРОВ

Тарас Бульба – безумец или пророк?

Пару лет назад снова *отыскался след Тарасов*: на экраны вышел фильм Владимира Бортко «Тарас Бульба». Начали ломаться в полемике литературные копья, *Украина глухо волновалась*. Не припомню таких по накалу дискуссий вокруг фильмов «Преступление и наказание», «Война и мир», «Плохой хороший человек», «Станционный смотритель». А ведь эти фильмы по своему художественному уровню явно превосходят произведение Бортко. Значит, дело не в художественных достоинствах или недостатках фильма, а в тексте Гоголя. Почему же этот, полуторавековой давности текст способен вызвать такие эмоции?

На поверхности лежит объяснение острыми современными отношениями России и Украины. Однако представим, что Бульба воевал со шведами в Карелии или с англичанами в Туркестане. Сильно бы изменилось отношение русского читателя к герою? Возможно, злободневность проблемы и снизилась бы, но суть осталась бы той же. Так в чем эта проблема?

Может, дело в том, что Гоголь создал русский эпос – *целостную картину народной жизни*, на которую до сих пор остро реагируют недоброжелатели России, а сами русские узнают в героях черты своего национального характера?

Мысль, что «Тарас Бульба» – это эпос, не нова. Вот, например, Белинский: «Тарас Бульба», эта дивная эпопея, написанная кистью смелой и широкою, этот резкий очерк героической жизни младенствующего народа, эта огромная картина в тесных рамках, достойная Гомера» Ну чего вам еще?

В книге «Родная речь» Петр Вайль и Александр Генис (идя вслед за В.Я.Брюсовым и др.) остроумно сопоставили батальные фрагменты «ТарасаБульбы» и «Иллиады». Прочитируем: «Нагнул-

Последняя среда

ся, чтобы снять с него дорогие доспехи. И не услышал Бородатый, как налетел на него красноносый хорунжий» – «С рамен совлекал победитель доспехи...

Вдруг на Филида нагрязнул Долопс Ламедит, илионский славный копейщик».

«Как плавающий в небе ястреб, давши много кругов сильными крылами, вдруг бьет оттуда стрелой... так Тарасов сын, Остап...» – «Как орел быстропарный на добычу падает, быстро уносит и слабую жизнь исторгает – так у тебя, Менелай...».

«Вышиб два сахарных зуба палаш, рассек надвое язык» – «Зубы вышибла острая медь и язык посредине рассекла».

Есть в запорожской повести свой список ахейских кораблей, тот самый, который Мандельштам «прочел до середины»: «Один за другим валили курени: Уманский, Поповический, Каневский, Стебликивский, Незамайковский, Гургузив, Тытаревский, Тymoшевский».

Есть и одноименные, как Аяксы, богатыри: «Пысаренко, потом другой Пысаренко, потом еще Пысаренко».

Есть и вариант прощания Гектора с Андромахой: «Чтоб я стал гречкосеем, домоводом глядеть за овцами да за свиньями да бабиться с женой? Да пропади она: я козак, не хочу!» Конец цитаты.

Так, значит, эпос? Ни в коем случае. Как известно, герой древнегреческого эпоса и рад бы избежать своей судьбы, да не может. Рок управляет героем. Ахилл в «Иллиаде» обречен изначально. Еще более нагляден случай Эдипа – герой хочет уйти от предопределенных ему испытаний, но тем вернее исполняет предначертание судьбы. Геракла судьба настигает в результате насланного богами приступа безумия. Есть ли что-то похожее на это в «Тарасе Бульбе»? Как говорится, с точностью до наоборот.

Полковник Бульба ищет, чем бы ему занять себя и своих сыновей. При этом пользу «отчизне и христианству» он видит лишь в стычках с «басурманами»: «и Бог, и Святое Писание велит бить басурман». Просто по факту, что они басурмане. Поскольку кошевой не соглашается нарушить договор с султаном, Бульба подпавляет козаков и организует перевыборы кошевого, приводя к власти своего человека. «А на другой день Тарас Бульба уже совещался с новым кошевым,

как поднять запорожцев на **какое-нибудь** дело» (выделено мной). Дело это «счастливым» образом подоспело. С вестью о притеснениях православной веры на Гетманщине прибывают тамошние козаки. Допустим, что это, действительно, совпадение. Хотя никто не утруждает себя проверкой их информации. Можно уже начинать борьбу за «православное дело»: «Перевешать всю жидову! ... В Днепр их, панове, всех потопить поганцев!» Далее запорожцы вторгаются на польский юго-запад. Никаких действий, связанных с защитой православной веры и православных они не совершают – «избитые младенцы, обрезанные груди у женщин, содранные кожи с ног по колени у выпущенных на свободу». Заметим, нигде не сказано, что поляки до этого похода убивали мирное украинское население. Нигде также не сказано, что потом в отместку за убийства мирных поляков они стали убивать мирных украинцев.

Что же получает Тарас Бульба в результате? Он становится сыноубийцей, второй его сын погибает на плахе (тут поляков можно понять). Сам Бульба получает расстройство психики: «Ничего не жалейте!» повторял только Тарас... «Это вам, вражьи ляхи, поминки по Остапе!» приговаривал только Тарас». (Описания совершенных зверств на сей раз опустим). Эпизод с люлькой – явное проявление этого психического расстройства – стремления к своей и чужой смерти. В итоге Бульба погибает на костре.

Заметим, Гоголь подчеркивает: Бульба был человек образованный, знал Горация. Не мог не знать он и евангельское «А я говорю вам: возлюбите врагов своих».

Это был его личный выбор, его личное безумие.

Так что какой же это эпос? Эпос – это течение народной жизни, несущее в своих водах героя. Бульба же, строя интриги, пытается увлечь казаков за собой и тонет в устроенном им самим водовороте. Неужели можно отыскать в этом интернациональном романтическом персонаже черты именно русского характера?

Нельзя не вспомнить, что Гоголя сравнивали не только с Гомером, но и с Шекспиром. И действительно, мы видим типично шекспировскую коллизию – герой принимает самостоятельное решение и потом расплачивается за него. За кровавые убийства и измену платит гибелью Макбет. За сумасбродно-благородное решение платит своей жизнью и жизнью своей дочери король Лир.

Последняя среда

Наиболее явно эта тема воздаяния читается в первой («краткой») редакции «Тараса Бульбы», напечатанной в сборнике «Миргород» в 1835 году.

Кроме Шекспира, были у «Тараса Бульбы» и другие, не столь отдаленные во времени, литературные источники. Это «козакофильство» польских романтиков.

В русской историографии конца 18-го – первой половины 19 веков преобладал взгляд на казаков как на бродяг и разбойников. Что неудивительно в свете участия украинских казаков в походе поляков на Москву в Смутное время, а также казацких восстаний Разина и Пугачева. Несколько особняком стоит, правда, Карамзин, написавший в своей «Истории...»: «сие имя (казаки) означало тогда вольницу, наездников, удалцов, но не разбойников, как некоторые утверждают, ссылаясь на лексикон турецкий: оно без сомнения не бранное, когда витязи мужественные, умирая за вольность, отечество и веру добровольно так назывались». Но в целом отношение в России к казакам было скептическое. Вот и в вышедшей в 1834 году «Истории Пугачева» Пушкина казаки описаны очень прозаично – как с проблемами интегрирующаяся в Российскую империю ее окраина.

В то же время, часть поляков, мечтавших о восстановлении независимого польского государства, объясняли былую силу Польши союзом с Украиной. В укор полякам, потерявшим Польшу, как они считали, из-за своих мелочных интересов, превозносили они отважных украинских рыцарей, сражавшихся за общее польско-украинское дело. Питали «козакофилию» и надежды на то, что союз с украинцами, направленный против Российской империи, поможет Польше возродить независимость.

Конечно, поляки не могли игнорировать непростую и, прямо скажем, кровавую историю своих отношений с украинцами. Поэтому украинский казак в польской романтической литературе предстает, как правило, неуправляемым бунтарем. Хотя и храбрым воином, защитником отечества и союзником в определенный момент истории.

С одним из польских романтиков-укаинофилов Богданом Залесским Гоголь был знаком лично. А свое письмо к нему подписал так: «Дуже, дуже близький земляк, а по серцю ще ближчий, чим по

земли. Мыкола Гоголь» («Очень, очень близкий земляк, а по сердцу еще ближе, чем по земле. Мыкола Гоголь»). Вероятно, близость эта заключалась и в сходных взглядах на украинское казачество, и на украинские «казацкие» песни, которые и Гоголь, и польские украинofilы склонны были называть «настоящей историей».

Наиболее же ярким представителем польского литературного украинофильства считают Северина Гощинского. В отличие от Залесского, который воспевал общность поляков и казаков, Гощинский более драматично представлял себе их отношения. В 1828 году в Варшаве выходит его поэма «Каневский замок», которая была с энтузиазмом встречена в кругах романтиков. С этой поэмой, на наш взгляд, «Тарас Бульба» обнаруживает близкие сюжетные совпадения. (Сам же Гощинский признавался, что «Каневский замок» был навеян «Девой озера» Вальтера Скотта).

Рецензия на поэму Гощинского была опубликована в «Московском Телеграфе» в 1830 году(1), и знакомство с поэмой Гоголя представляется более чем вероятным.

Действие поэмы происходит на Правобережной (польской) Украине во времена восстания Колиивщина (1768 г.). (Восстание это сопровождалось массовой резней поляков и евреев и было подавлено с помощью Российской империи. А вскоре после него в 1772 году и состоялся Первый раздел Польши, покончивший с ее самостоятельностью.)

Герой поэмы – казак Небаба. Комендант замка, используя обман, сочетается браком с возлюбленной Небабы Орликой. Желая отомстить, Небаба присоединяется к восставшим, которые осаждают замок. (В повести Гоголя замку соответствует крепость Дубно, где находится прекрасная полячка, сочетавшаяся браком с изменником Андрием). В подожженном замке погибает Орлика. (В результате своей мести Небаба теряет изменившую возлюбленную, а Бульба – изменившего сына). Небаба ищет смерти. Подоспевшие польские войска берут Небабу в плен и сажают его на кол среди развалин замка. (В первой редакции «Тараса Бульбы» поляки не сжигали героя, а прибывали его к стволу дерева. Да и Каневский замок, как и место смерти Тараса, находится на берегу Днепра).

По-моему, общность сюжетных мотивов и деталей более чем очевидна.

Последняя среда

Итак, в основе сюжета «Тараса Бульбы» лежит шекспировская коллизия в романтическом исполнении. Но, может, если это и не эпос, то отражение исторической эпохи, надолго определившей судьбы народов? И в этом источник актуальности повести Гоголя?

В 1833 году Гоголь с энтузиазмом принялся за «историю нашей любимой бедной Украины», намереваясь написать историю Малороссии «от начала до конца» «в шести малых или четырех больших томах» и сказать «много того, что до меня не говорили»: «Малороссийская история моя чрезвычайно бешена, да иначе, впрочем, и быть ей нельзя. Мне попрекают, что слог в ней слишком уже горит, не исторически жгуч и жив; но что за история, если она скучна!»

Но уже через год энтузиазм Гоголя ослабел: «Я к нашим летописям охладел, напрасно сияясь в них отыскать то, что хотел бы отыскать. Нигде ничего о том времени, которое должно бы быть богаче всех событиями. ...Я недоволен польскими историками, они очень мало говорят об этих подвигах... И потому-то каждый звук песни мне говорит живее о протекшем, нежели наши вялые и короткие летописи».

Пришлось Гоголю создавать собственный художественный мир, «свое» прошлое.

По Украине в то время ходила в рукописях «История русов», которая позже, в 1848 году, была напечатана в Москве. Известный историк 19 века Николай Костомаров, сам много писавший о козаках, называл ее «мутным источником». Дают ей и другое определение – политический памфлет. Спорят о том, кто именно сочинил эту «летопись» на рубеже 18 и 19 веков (если не позже), но почти никто не отрицает ее литературное происхождение.

О задаче «История русов» прямо говорится в ее предисловии: «привнесены некоторые нелепости и клеветы в самые летописи Малороссийския, по несчастию, творцами их, природными Рускими, следовавшими по неосторожности безстыдным и злобливым Польским и Литовским баснословцам. Так, на пр., в одной учебной историйке выводится на сцену из Древней Руси, или нынешней Малоросии, новая некая земля при Днепре, названная тут Украиной, а в ней заводятся Польскими Королями новыя поселения и учреждаются украинские козаки; а до того сия земля была пуста и необитаема, и Козаков в Руси не бывало».

Вот автор «Истории русов» и старается доказать, что славяне упоминаются у античных историков, начиная с 1610 года до нашей эры, а Малороссия всегда имела самостоятельную государственность с гетманом во главе и лишь входила в государственные союзы с Литвой и Польшей. Поляки же (как, впрочем, потом и Российская империя) всегда плохо обходились к украинскими казаками, совершая над ними всякие зверства. Запорожские же козаки «могли удобно хранить права и свободы воинские и отвращать от них насилие Поляков».

Сразу после своего выхода в свет «Тарас Бульба» попал под пристальное внимание поляков. Они и указали на то, что только из «Истории русов» мог Гоголь почерпнуть рассказы о медных быках, в которых шляхта живьем сжигала козаков, или о католических священниках, запрягавших в свои таратайки украинских женщин. Попутно пройдясь и по анекдотическим на их взгляд деталям отношений знатной польки с украинским хлопцем.

К разряду небылиц относится и пересказанная Гоголем история о том, будто евреи получали от польских панов в аренду православные храмы, а за ключи от них требовали щедро платить.

Но пусть это детали, хотя и они много определяют в повести. А в целом, что можно сказать о сути происходивших на Украине в 16-17 вв. исторических процессов?

Вот что писал Костомаров в статье «О козачестве», вполне аполгетической по отношению к казакам: «Между козаками являлись люди, которых соблазняло завидное положение польского шляхтича; они хотели само козачество превратить в шляхетство, в привилегированный класс, возвышенный особыми правами над остальной массой, а вместе с тем и поработить себе эту массу... С этой целью козацкая верхушка и вела свои игры с польскими королями, выторговывая привилегии в обмен на лояльность – свою и украинских крестьян». Лучше, по-моему, и не скажешь. С приходом на Украину Российской империи взгляды украинской шляхты обратились к Москве, игры стали вестись с имперской администрацией. При этом упор делался на самодостаточности Украины в прошлом и на добровольности вхождения в Российскую империю, что, естественно, должно было повысить цену украинской лояльности. Именно этого и добивалась «История Русов», приводя в подтверждение свои вымыслы.

Последняя среда

Интересно сравнить взгляды Гоголя на историю украинского козачества с изданной Пушкиным в 1834 году «Историей Пугачева», где он говорит о казаках уральских или яицких. Лишенный к тому времени уже всякой романтики, глаз Пушкина видит отсталую территорию с архаичной системой местного самоуправления, которая с проблемами постепенно интегрируется в состав Царства Московского и Российской империи. Этот болезненный процесс интеграции сопровождался введением налогов и повинностей и изменением привычного уклада жизни. Жесткие действия имперской администрации порождали бунты, самым масштабным из которых была пугачевщина. Пушкин испытывает сочувствие к попавшим в жернова истории казакам, но подробно описывает зверства, творимые бунтовщиками, и явно не видит другого выхода, кроме военного подавления восстания. Имперская диктатура, с его точки зрения, лучше провинциального бандитизма. Ход истории не на стороне казаков.

Следовательно, и так называемая историческая основа «Тараса Бульбы» не имеет никакого реального подтверждения. Не зря Гоголь выбрал для действия не исторически достоверную эпоху Коливищины и Уманьской резни, а легендарные и не датированные им точно времена то ли 16-го, то ли 17 века.

Итак, «Тарас Бульба» – это не эпос, выражающий основы народной жизни, а повесть о запутавшемся в собственных сетях авантюристе. Это и не исторический взгляд на конфликты прошлого, отзывающиеся в современности, а фантазия на тему литературного памфлета «История русов». Так откуда же эмоции? Что там цепляет? Неужели только поэтическое слово Гоголя?

Обе редакции «Тараса Бульбы» – 1835 и 1842 годов – появились между двумя событиями: подавлением польского восстания в 1831 году и подавлением венгерской революции в 1848-м.

В 1831 году генерал-губернатор Малороссии так объявлял о формировании казацких полков для участия в подавлении польского восстания: «Добрые и верные казаки!.. Избранные среди вас воины, находясь под начальством малороссийских начальников при армии, будут ограждать кровную свою родину, земли и дома родителей своих от мятежных поляков, вероломных и неблагодарных изменников, отродия тех самых ляхов, которые некогда хотели

Последняя среда

уничтожить святую веру ваших храбрых предков и отнять у них ответственность, но праотцами вашими были побеждены». (2)

А это извлечение из Высочайшего манифеста Николая Первого от 14 марта 1848 года, провозглашенного перед походом в Европу: «По заветному примеру Православных Наших предков, призвав в помощь Бога Всемогущего, Мы готовы встретить врагов Наших, где бы они ни предстали, и, не щадя Себя, будем, в неразрывном союзе с Святою Нашей Русью, защищать честь имени Русского и неприкосновенность пределов Наших.

Мы удостоверены, что всякий Русский, всякий верноподданный Наш, ответит радостно на призыв своего Государя; что древний наш возглас: за веру, Царя и отечество, и ныне предрекает нам путь к победе: и тогда, в чувствах благоговейной признательности, как теперь в чувствах святого на него упования, мы все вместе воскликнем: С нами Бог! разумейте языцы и покоряйтесь: яко с нами Бог!»

Не правда ли, как нельзя лучше и идейно, и стилистически, ложится в этот ряд вторая редакция Тараса Бульбы с ее призывом «чтобы пришло наконец такое время, чтобы по всему свету разошлась и везде была бы одна святая вера, и все, сколько ни есть басурманов, все бы сделались христианами!» и пророчеством «Уже и теперь чуют дальние и близкие народы: подымется из русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!..»

Реальность продолжила этот ряд следующими военными конфликтами в ходе территориальной экспансии Российской империи:

1817–1864 – Кавказская война,

1839 – 1895 – туркестанские походы,

1853–1856 – Крымская война (начавшаяся с оккупации Россией дунайских княжеств),

1863–1864 – подавление польского восстания,

1877–1878 – русско-турецкая война,

1904–1905 – русско-японская война.

В 1914 году Российская империя под предлогом защиты православной Сербии вступает в Первую мировую войну, рассчитывая присоединить к себе Константинополь и морские проливы. Чем

Последняя среда

для Российской империи кончилась Первая мировая война, хорошо известно.

Я думаю, в этот ряд можно добавить и подавление «Пражской весны» в 1968-м и ввод войск в Афганистан в 1979 году.

Самым ярким идеологическим обоснованием этой русской военной экспансии и стал «Тарас Бульба» Гоголя. Поэтому так задевает он – ведь какой русский не любит поразмыслить о Большом Русском Проекте. И до сих пор идет у нас в России спор, каким быть этому проекту: силовым, основанном на военной мощи, природных ресурсах и территории, или цивилизационным и культурным, ведущим равноправный диалог со всеми языцами.

На одном полюсе безбашенный Тарас Бульба с его «Ну, дети! что и как? кого и за что нужно бить?», на другом – Акакий Акакиевич Башмачкин с метафизическим ужасом перед реальностью.

Но, может, это просто две стороны одной медали? И Башмачкин – это задумавшийся над своими «подвигами» Тарас Бульба?

Может, нам поискать себе других героев?

(1) – В. У. (рец.) Zamek Kaniowski, powie;; przez Severyna Goszczynskiego. Каневский замок, повесть в стихах, сочинения Северина Гощинского. В Варшаве. 1828, in 8. 160 стр.– Моск. телеграф, 1830, ч. XXXIII, № 9, с. 75-97; № 10, с. 196-223.

(2) – Цит. по «Западные окраины Российской империи», Л.А. Бережная, О.В. Будницкий и др., М., НЛО, 2006, стр.58.

РЕЦЕНЗИОННЫЙ ЗАЛ

Рецензии на три книги Юрия Нечипоренко

Точильщик прозы Юрий Нечипоренко

Напечатана очень хорошая книга Юрия Нечипоренко «Начальник связи».

Главное ее достоинство следующее – автору удалось спрыгнуть с литературного паровоза современности. Конечно, спрыгнуть с него нетрудно – он стоит на месте. Но все же не у каждого получится. Ведь, чем брести в одиночку по неровной степи, куда приятней наблюдать с высоты писательской кабины ровные, отполированные, уходящие напрямик в вечность рельсы.

Но Юра спрыгнул. И отошел от паровоза на два шага назад. Один шаг – в детство. Книга – о детстве, о стране, об отце автора. Этот шаг позволяет автору расстаться с одним из главных недостатков современной литературы – с ее публицистичностью. Ведь почти все, что сейчас у нас пишется – это публицистика, которой стараются придать черты художественной литературы. Говоря проще – писатели пересказывают нам чужие идеи и книжки, размещая порой это содержание среди «примет нашей эпохи». Да и то сказать – «ведь уже все написано». Но мальчик – лирический герой книги Нечипоренко – об этом «уже все...» пока ничего не знает. Прочитанные – и лирическим героем и автором – книги нисколько не заслоняют своей собственной жизни. А жизнь эта широка, как украинская степь, на краю которой стоит город, где живет семья героя. В этой жизни много чего есть: война – и та, с немцем, о которой рассказывает отец, и с вооруженным грабителем ночью на кухне; любовь – и в рассказах отца, и в легком ударе тока при взгляде на свою учительницу; путешествие – ну какая же степь без путешествий?; и культ личности – в рассказе о «похороненном» памятнике, и «шпиён», и мотоцикл с коляской, и галка, и ежик, и шпак ... И, конечно, отец героя – начальник связи.

Фигура отца и приводит в движение все предметы и события, с которыми сталкивается герой. Это не «приметы эпохи» – столкновения заставляют его думать и реагировать, и так расти. Столкновения эти

Последняя среда

– основное содержание книги, столкновения эти отпечатываются в ее языке. Тут о втором шаге автора – назад, лет на семьдесят, восемьдесят, когда писали прозу Лариса Рейснер и Тынянов, Всеволод Иванов и Катаев, Гайдар и Житков. После язык этот куда-то делся, рассиропился, пропала энергичность и красочность. Нечипоренко начинает как бы сначала. Детство тут как нельзя кстати. Вот хоть самый первый рассказ – семья едет на мотоцикле с коляской: «Тугой воздух расстегивается у лица». И сразу кожаный аромат эпохи, тот, о котором Мандельштам писал «люблю шинель красноармейской складки». И тут же следом «мы в брезенте, мы врываемся в мелкий дождь – и чувствуем запах, запах дождя и электрический вкус воды на губах...» Для рассказа на пол страницы больше и не надо. Или вот точильщик ножей в рассказе «Про роки»: « – То-о-о-ч-у-у но-о-о-жи-и! От крика этого, в котором живут острые ножи, становится не по себе. Он настигает, как гром с ясного неба. Может быть, это тот самый Илья-пророк притащился к нашему дому и сейчас начнет наказывать неучтивых?... раскручивает колесо, прикладывает к нему нож – и оно начинает бросаться яркими искрами, снопами пламени. Это колесо от огненной колесницы!»

Вот, собственно, таким точильщиком изрядно затупившейся нашей прозы и кажется мне Юрий Нечипоренко со своей книжкой «Начальник связи», бросающей искрами метафор и снопами только что срезанной жизни.

А.П.

Ярмарочный мальчик Юрия Нечипоренко

Советую вам, если не купить эту книжку, то хотя бы подержать в руках. Вам будет приятно. Эту книгу автор написал довольно давно и спустя много лет она словно бы случайно встретилась с издательством и художником. «Картинки Евгения Подколзина» – сообщает нам титульный лист. Книга как бы детская. На мой взгляд, это неспроста. Попробуем сразу взять быка за рога: любой, пишущий биографию Гоголя не сможет пройти мимо некоторых «странностей» его жизни.

Вот и Нечипоренко сообщает о гимназических годах: «Порой Гоголь даже кричал козлом у себя в комнате, или хрюкал свиньей, забравшись куда-то в темный угол». Или: «В ночь накануне наказания он заболел – и утром по всей гимназии разнеслась весть: Гоголь взбесился!»

Последняя среда

... лицо Гоголя страшно исказилось, глаза засверкали диким блеском, волосы встали дыбом; он заскрипел зубами, изо рта показалась пена...» (Для описания этой сцены Нечипоренко словно позаимствовал стиль самого Гоголя).

Еще несколько цитат из книги: «к женщинам относился с опаской», «был знаменит своей скрытностью и хитростью», «любил надевать странные облачения ... на голове – малиновый кокошник, шитый золотом». Мы еще вернемся к объяснению автором книги этого кокошника.

А пока остановимся на суждении, с которым не можем не согласиться: «В душе человека хранится огромная энергия. Так же точно, как может случиться пожар на нефтяном месторождении и сила пламени станет неуправляемой, может сгореть в творческом порыве художник или писатель». Заметим только, что как раз творческий порыв может быть одним из проявлений подземного пожара, а не им самим. Автор пишет очень осторожно, без подробностей: «Гоголь умер, не дожив до старости». Но мы можем самостоятельно заглянуть к Вересаеву в его «Гоголь в жизни» и прочесть про «усиленное стремление умерщвлять тело совершенным воздержанием от пищи» (Тарасенков) и про «явные признаки жестокой нервической горячки» (Погодин).

Возникает вопрос: если Гоголь согласно русской традиции, как всякий великий писатель, это почти «наше все», а именно – образец для поклонения и подражания, то как же сочетать это с явной трагедией его жизни, с его внутренними конфликтами, не оставившими ему другого выхода, кроме самоубийства?

Вспомним немотивированную по существу жестокость к беззащитным людям у главного героя в «Тарасе Бульбе». Вспомним и чрезвычайно натуралистическое описание человека с содранной заживо кожей в «Пленнике». Что и говорить об обступившей героя нечисти в «Вие», о «мертвых душах» и «каких-то свиных рылах вместо лиц»? Не прорывался ли это тот подземный пожар, о котором так образно написал Юрий Нечипоренко?

Вот на этот главный вопрос – как же примирить личную духовную катастрофу Гоголя с тем «разумным, добрым, вечным», которое должна нести классика, и отвечает в своей книге Юрий Нечипоренко. Для этого и нужен автору «детский взгляд» – ведь детство любопытно и интересуется всеми энергиями без исключения, ничего не зная заранее, каждый раз начиная все заново на свой страх и риск. Этот взгляд

Последняя среда

многое позволяет рассмотреть в самом Гоголе – ведь в Гоголе столько детского! Это детство смеется над взрослыми и нарушает запреты; это детство заворачивает жука в бумагу и поджигает его, чтобы посмотреть, что с ним будет. Посмотрите, как ребячлив фольклор. А еще для объяснения нужна Нечипоренко Ярмарка, с разговора о которой начинается его книга. Ярмарка у Нечипоренко – это ключевая точка мироздания. Это место, где обмениваются энергиями – всякими, ведь товары – лишь один из элементов этого обмена. Творческими, жизненными, светлыми и темными, агрессивными. Сам процесс обмена опасен, опасно и место, где он происходит. От Гоголя мы знаем – именно на ярмарке проще всего повстречаться с чертом. Особая осторожность нужна каждому участнику этой Ярмарки, особая манера поведения, позволяющая избежать беду. Поэтому «купленный товар не принесет счастья, если его не «обмыть». А там, где веселье и хмель – там место людям праздничным – певцам, танцорам и музыкантам». Вот Гоголь и есть ярмарочный мальчик, заклинающий, отводящий беду, взявший на себя общение с опасными стихиями, попытавшийся рассказать о них – вывести их на свет божий. А для этого надо иметь внутри себя хоть частицу этих опасных стихий.

Вернемся к эпизоду с кокошником: «в Гоголе было что-то от шамана», – пишет Нечипоренко, объясняя этот кокошник схожестью с шаманским головным убором, – «Каждый шаман переносит «шаманскую болезнь» – состояние в котором он находится на границе между жизнью и смертью».

Вот на этой грани и находится Гоголь – в просветлении темных сил, в борьбе с ними внутри себя и есть подвиг Гоголя – и человеческий, и писательский. Борьба эта именно у Гоголя оказалась, пожалуй, наиболее драматичной – и с невеселым концом, а вместе с тем – вовсе не унылая, яркая, звучная, ярмарочная. Это и есть его «разумное, доброе, вечное».

Почувствует ли все это читатель книги Нечипоренко, в том числе и читатель юный? Может, отчетливо и не осознает, а почувствовать – почувствует. А чувство – вещь глубокая, глядишь, в нужный момент и не улетучится, выручит.

А.П.

Юрий Нечипоренко. Книга о Ломоносове.

Очередную замечательную книжку написал и выпустил в свет Юрий Нечипоренко. Называется она «Помощник царям» с подзаголовком «Жизнь и творения Михаила Ломоносова». Сразу скажу, что мне эпоха Ломоносова представляется ключевой для русской истории. Переход от состояния страны с колониальным статусом к государству, нащупывающему и отстаивающему свою самостоятельность – это, на мой взгляд, и основное содержание всей последующей русской истории, да и нашей современности.

На презентации книги на Московской книжной ярмарке Юрий Нечипоренко сказал, что о Ломоносове написано много – только в серии ЖЗЛ вышли книги 3-х разных авторов – но сам Юрий, прочитав эти книги, почувствовал – он бы расставил акценты по-другому. Собственно, с этого «нет, ребята, все не так» и начинается любое творчество. Какие же акценты расставляет Юрий Нечипоренко в жизнеописании Михаила Ломоносова? Первый – разрыв с детством. «Такого разрыва с детством, со своей семьей не было в жизни ни одного великого деятеля российской культуры». Может быть поэтому в дальнейшей взрослой жизни Ломоносов часто вел себя как большой ребенок. На этом также сделан акцент в книге «Помощник царям». Вот во время учебы в Германии, решив, что изучать ему больше нечего, отправляется через всю Германию на поиски русского посланника, который должен отправить его в Россию. Вот в Петербургской Академии, словно фокусник на сцене, демонстрирует коллегам химические опыты. А вот, разошедшись с теми же коллегами во взглядах на науку и жизнь, натурально сует им под нос свой здоровенный кукиш. Но, возможно, в эту детскость только рядилось донельзя независимое по тем не самым демократическим временам поведение Ломоносова? На независимости Ломоносова также делает акцент Нечипоренко. Эта независимость Ломоносова давно уже бросалась в глаза многим, читавшим его биографию. Как подобное поведение могло сходить ему с рук? – задавались они вопросом. Один из предлагаемых ответов – Ломоносов был сыном Петра Первого. Но Нечипоренко не склонен разделять это предположение – по его мнению Петр Первый и Ломоносов «разминулись» в Холмогорах на 10 лет. Чем же объясняет Нечипоренко столь блистательную, несмотря на все сложности, карьеру Ломоносова? Прежде всего его литературными способностями. В качестве первого покровителя Ломоносова в книге

выступает известный при российском дворе поэт Готлиб Юнкер, который и отвез в Петербург из Германии первую оду Ломоносова, сразу сделавшую его известным. Вторым его покровителем стал Иван Шувалов, в юношеском возрасте принесший уже более старшему и маститому Ломоносову свои первые вирши. Впоследствии именно вместе с Иваном Шуваловым, фаворитом императрицы Елизаветы, основывал Ломоносов Московский университет.

Юрий Нечипоренко сам занимается наукой – он доктор физ.-мат. наук и преподаватель того же Московского университета. Поэтому достаточно трезво смотрит на научную деятельность Ломоносова. Как известно, математику нельзя было отнести к наукам, которыми в совершенстве владел Ломоносов. Поэтому его открытия в физике, химии, астрономии – это скорее интуитивные прорывы, чем фундаментальные разработки. А вот в чем Ломоносову не было равным, так это, выражаясь современным языком, в прикладных исследованиях и внедрении

Подводя промежуточный итог, отмечу: главное, на мой взгляд, достоинство этой книги – она ничуть не скучная, хотя включает в себе массу сведений о жизни Ломоносова и его эпохе. Это и благодаря сочному, живому, с лукавинкой, языку автора. Это и благодаря и удачной структуре, когда линейное повествование о жизни Ломоносова сочетается с вкраплением главок о той или иной стороне его деятельности, например, о создании мозаик, опытах с электричеством или участии в спорах по «норманской» теории. И, конечно, благодаря острому взгляду автора, который позволяет ему видеть в Ломоносове прежде всего живого человека и находить реалистические мотивировки его поступкам и жизненным перипетиям, что и делает эту хрестоматийную фигуру интересной для современного читателя.

В заключение скажу все же об одной проблеме, которая касается в целом всей эпохи, в которую жил Ломоносов – сведения о ней не столь исторически достоверны, как нам порой представляется. К примеру, вот как, затрагивая эту проблему, представил один из вариантов описания жизни Петра Первого известный русский историк С.М. Соловьев: «В одном государстве царственный ребенок, вследствие семейной вражды, гонения от родственников, подвергался страшным опасностям, спасся чудесным образом, воспитывался в уединении, среди низких людей, набрал себе из среды этих людей новую храбрую дружину, одолел с нею противников и стал основателем нового общества, нового могущественного государства, проводил всю свою жизнь

Последняя среда

в борьбе и оставил по себе двойную память: одни благословляли его, другие проклинали». Заметим, что биография Ломоносова, в особенности первой части его жизни до возвращения в Петербург в 1741 году, своей структурой сильно напоминает биографию Петра Первого, словно нам рассказывают один и тот же сюжет: оба мальчика появляются в семьях с традиционным русским укладом, оба отправляются «в Европу» для знакомства с тамошними достижениями, оба испытывают приключения с погонями и спасениями – Петр во время стрелецкого бунта, Ломоносов в Германии при насильственной вербовке в армию – оба женаты на немках, оба сражаются с косным окружением, оба умирают практически в одном возрасте – 53 и 54 года. Ломоносов кажется мне своего рода кентавром – первая часть его жизни напоминает волшебную сказку, а вот в реальности последней ее половины сомневаться трудно. Кстати, автор замечательных рисунков к книге Евгений Подколзин как раз и сказал во время презентации, что старался передать в них некоторую мифологичность личности Ломоносова. Думаю, что чувствует эту проблему и Юрий Нечипоренко, но, наверное, вполне резонно полагает, что прежде чем начинать исторические дискуссии об эпохе и личности Ломоносова полезно вспомнить все, что нам известно об этой фигуре, полезно актуализировать ее, стряхнуть с нее пыль веков. Повторю, автору эта задача полностью удалась.

Для меня главным содержанием и книги «Помощник царям», и всей фигуры Ломоносова, вполне могут служить известные его строки, с которых и начинается свой рассказ Юрий Нечипоренко «...может собственных Платонов\И быстрых разумом Невтонов\Российская земля рождать». Причем я бы сделал акцент на том, что именно «Российская земля», как гражданский механизм, а не «русский народ», этнические русские и т.п. В возможности реализовать себя на ней и немцам, и русским, и потомкам эфиопов и шотландцев, вероятно, и представлялся Ломоносову основной смысл существования этой земли.

P.S. С прицелом на второе издание книги позволю себе небольшое замечание. О «норманской» теории в ней написано так: эту теорию придумал не Миллер, а молодой историк Готлиб Бейер, но он вскоре умер, и расхлёбывать пришлось Миллеру с Ломоносовым». Однако, история о призвании варягов содержится, например, в «Московии» Сигизмунда Герберштейна, впервые напечатанной в 1549 году.

А.П.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

ЮРИЙ НЕЧИПОРЕНКО

Из книги «Начальник связи»

Начальник связи

«Мой отец – начальник связи», – это было первое предложение, которое я сочинил в первом классе. Учительница сказала:

– Дети, а теперь пусть каждый из вас сочинит предложение...

Я сразу потянул руку – спросите меня, спросите, Евдокия Климовна!

Но вначале спросили двух правильных девочек, а потом только меня. Я встал и громко сказал:

– Мой отец – начальник связи! – а в классе все засмеялись. И чего они смеются – это же чистая правда. И потом, это было предложение про папу, а все, что связано с папой...

Например, мотоцикл. Трехколесный – папа на нем все время ездит. И когда мы собираемся на дачу... Всем сотрудникам связи отводят весной «дачи», то есть попросту огороды среди полей – и мы туда ездим, и сажаем картошку, подсолнухи, огурцы...

Две сестры, уцепившись друг за дружку, помещаются в коляске, мама садится на заднее сиденье, а я – впереди всех, обняв ногами бензобак, расставив руки, я держусь за руль, я распластался, как лягушка–путешественница, я смотрю вперед, откуда с шумом вырывается дорога... Тугой воздух расстегивается у лица. Запахи деревьев и трав пронизывают нас.

Мы мчимся, подставив лица ветру, навстречу летят мушки и жучки – и разбиваются с размаху о скулы, о лоб, залетают в рот – они живут в ветре, и мы живем в нем сейчас! Мы делаем ветер и двигаем его... Мы идем под сто – ну и жарит же папа – еще, давай еще! – скачет, дрожит стрелка на спидометре – вот это да!

Последняя среда

Уезжают поля, обсаженные посадками, мелькают деревья: они появляются вдаль, разгоняются – и вот уже летят мимо – гибкие, летучие деревья. А вот и гром гремит – дождик собирается, а нам ни почем – мы в брезенте, мы врываемся в мелкий дождь – и чувствуем запах, запах дождя и электрический вкус воды на губах...

Живая шерсть

Мы едем к бабушке в деревню. За тыщу километров. На мотоцикле! Нас встречает папин брат – агроном, он кончил два института – да научился выпивать.

Бабушке надо поправить дом. Папа с мотоциклом очень кстати – подвозит доски, черепицу...

Стучит молотком. Заколачивает гвозди, чинит крышу. Я глажу своего друга – пса-дворняжку. Черный добрый пес лижет мне руки, нам хорошо вместе, я перебираю его шерсть. Мы обнимаемся на теплой земле в запахе сирени...

Вечер. Обнаружена пропажа. Папа и бабушка сбиваются с ног, носятся по двору, зовут – и находят меня в кустах сирени. Очухиваюсь, удивляюсь – почему переполох – да, я спал с собакой, что такого?

С тех пор я сохраняю это блаженное ощущение – теплая земля, и мягкий пес с живою шерстью – мой друг, и голова его в моих руках, так хорошо с ним рядом... А как он потягивается, зевает! И сейчас я расслабляюсь, как научил меня мой друг, – до хруста в суставах растягиваюсь, и глаза закатываю, и засыпаю...

Но речь не обо мне, о папе...

Пророки

В моих снах живут три старика.

Первый приходит переключать печь. У ног его лежат две кучки праха – желтая и серая. Не торопясь, он перемешивает их в корыте, подливает воды и делает тесто. Этим клейким тестом он обмазывает красные шершавые кирпичи и вставляет их в развороченное брюхо печи. Все новые ребра вставляет в нее морщинистый старик, и печь обрастает плотью, покрывается шкурой штукатурки.

Последняя среда

На улице слепит солнце, мы сидим в тени на ступеньках и жадно смотрим, как старик месит свое тесто, как обмазывает кирпичи, как вкладывает их, пошевелив напоследок и пристукнув мастерком, в брюхо печи...

Гремит гром, ползет туча. Старик говорит, что это едет на колеснице Илья-пророк. Мы страшно удивляемся: никаких пророков мы не знаем, слыхом не слыхали. Старик нам рассказывает, что молнии, как стрелы, мечет грозный Илья – он едет по ободу небес, над тучами, и бросает свои стрелы в тех, кто провинился перед Богом, в грешников. И гром гремит, чтобы настрашать неучтивых и невежд. Старик много рассказывает, он все время что-то говорит, когда работает, а мы, как замороженные, смотрим на руки его, которые приготавливают тесто, обваливают в нем кирпич, кладут в печь...

Растет печь, в брюхе которой можно спокойно поместиться маленькому человеку. Растут в нашей душе уважение и почитание к старику, который строит печь, и к тому старику, который на огненной колеснице едет по краю, ободу небес и мечет молнии, гремит громами. Двор наш закрыт со всех сторон, защищен, как кожей, высоким забором, и, чтобы проникнуть в него, надо отворить высокую деревянную калитку из толстых морщинистых досок.

Старика с точильным станком опережает крик. Крик с улицы проникает за наш забор, перескакивает, не открывая калитки, – истошный, дикий, пронзительный крик:

– ТО-О-ОЧ-У-У НО-О-ОЖИ-И!

От крика этого, в котором живут ножи острые, становится не по себе. Он застигает врасплох, словно гром с ясного неба. Может быть, это тот самый Илья-пророк притащился на своей колеснице под наш дом и сейчас начнет наказывать неучтивых.

Отворяется калитка, и входит тощий старик, тертый какой-то, мелкий, плюгавый и, как мне кажется, очень злой. Он тащит на своем плече колесо и орет пронзительно, противно, так, что хочется уши заткнуть, захлопнуть ладонями от этого всепроникающего крика. Но вот он ставит колесо посреди двора. Принимает от соседей ножи, ножницы, кусачки, шила, косы и серпы – разглядывает их, что-то бормочет, раскручивает колесо, прикладывает к нему нож – и оно начинает бросаться яркими искрами, снопами пламени.

Последняя среда

Это колесо от огненной колесницы! Мы разбегаемся подальше, чтобы не угодили, не попали случайно на голые коленки мелкие молнии. А старик косит на нас глазом и подманивает:

– Подойди, не бойся...

Но мы не верим этому пророку, мы прячемся за спины взрослых, не отрывая, как замороженные, глаз: из камня и железа рождается огонь!

Однажды в полдень старик этот входит к нам во двор, где никого нет, только я один-одинешенек. Старик движется ко мне, и, загипнотизированный его алчным интересом, я начинаю бежать от яблони к крыльцу. Но у меня отнимаются ноги, и я ползу в траве, едва двигая руками, словно плыву в вязкой воде. Он неотвратно приближается, настигает меня. Я вползаю на крыльцо и чувствую, как он меня хватает за шиворот, за загривок, за затылок – за все, что сзади – и придавливает лицом к земле.

Третий старик живет в ларьке, за прилавком. В большой черной шляпе – он выглядывает, высовывается из-за прилавка, вырастает вдвое, когда мы к нему подходим с отцом. Он радуется каждый раз, когда видит нас с папой. Он начинает махать руками, что-то рассказывать, расспрашивать. Улыбается и снимает шляпу. И достает из мешка книги.

Да, у него есть мешок, набитый книгами. И он каждый раз достает оттуда что-то удивительное и заманчивое, какую-то чудесную, редкую книгу – и мы с папой очень радуемся и ее покупаем. Но покупка, деньги – это не главное. Главное, что мы опять с ним увиделись, опять обрадовались друг другу. Он еще к тому же и хромает, а может быть, у него нет руки – точно не вижу, но чувствую, что чего-то у него не хватает.

Наверное, поэтому он носит шляпу, что не хватает у него тела, но зато есть мешок, откуда он, как фокусник, извлекает то, что нам очень хочется прочесть...

Эти три старика живут у меня во сне, продолжают жить – Тот, Кто Кладет Печи, Тот, Кто Точит Ножи, и Тот, Кто Дает Книги.

Фрагменты из книги «Ярмарочный мальчик»

Николай Гоголь родился в селе Сорочинцы, которое как будто в шутку на – звали Великими Сорочинцами: найти его можно только на самой подробной карте – как точку под городом Миргородом на Украине. Но раз в году село это вырастало: точка разбухла, распускалась, как почка. Село расцветало ярмаркой, куда собирались из окрестных хуторов и деревень толпы людей. Они везли с собой всё то, что выросло на земле за год: зерно, фрукты, овощи и скот. Навстречу этим богатствам двигались из городов лакомые для сельчан товары: сапоги, платки, карамели, пироги... На ярмарке все эти товары устраивали хоровод: меняли владельцев, – как меняются в танце местами партнёры.

Ярмарочные дни – время праздничное, сделки принято отмечать угощением, пиршеством: считалось, что купленный товар не принесёт счастья, если его не «обмыть». А там, где веселье и хмель – там место людям праздничным – певцам, танцорам и музыкантам. Здесь же собираются и самые разные мастера: делают они кувшины и свистульки, шьют платья и малюют картины. Кто не любит на Украине петь и плясать, веселиться и дурачиться? Жизнь здесь полна шуток и подтрунивания, тут каждый – немного артист. Двести лет назад, когда родился Гоголь, ярмарка для жителей села была главным развлечением, была тем, что сейчас для нас театр и кино, и ещё интереснее – в ярмарке можно было участвовать.

....Нежин – городок на реке Остёр, что впадает в Десну. Говорят, что название города восходит к слову «нежить» – так называли в древности лесных и полевых духов (леших, водяных, и прочую «нечисть»). Здесь было основано одно из лучших учебных заведений на юге России – гимназия высших наук. Основателем гимназии был князь Безбородко, который хотел создать в Малороссии заведение по образцу Царскосельского Лицея. Николай Гоголь провёл тут восемь лет. Сохранились письма родным, в которых Никоша просит прислать гостинцев, жалуется на унылость обучения и настаивает, чтобы на зимние каникулы за ним непременно прислали дрожки: он обычно встречал Рождество дома. Учился Гоголь ни хорошо и ни плохо. Директор гимназии писал его родителям: «Жаль, что сын ваш иногда ленится, но когда принимается за дело, то и с други-

Последняя среда

ми может сравниться, что и доказывает его отличные способности». От того времени осталось много воспоминаний, порой самых невероятных: бывшие ученики лицея изображают Гоголя по-разному, – так что непонятно, где правда, а где выдумки. Порой кажется, что все они заразились от Гоголя страстью к сочинительству.

В гимназии были и дети знатных, богатых родителей – и дети «захудалых» дворян. С кичливыми детьми знати Николай Гоголь не мог сойтись. Он любил их дурачить и насмеяться над ними. Много из того, что казалось им изящным, приличным, он представлял, наоборот, безобразным. В комнате своей он расставлял мебель не так, как у других. Ходил по улицам и по аллеям сада левой стороной, постоянно сталкиваясь с прохожими. Ему посылали вслед:

– Невежа!

Но Гоголь обыкновенно этого не слышал, и на оскорбления отвечал:

– Грязное к чистому не пристаёт.

Порой Гоголь даже кричал козлом у себя в комнате, или хрюкал свиньёй, забравшись куда-нибудь в тёмный угол. Когда его спрашивали, почему он подражает крикам животных, отвечал:

– Я предпочитаю быть один в обществе свиней, чем среди людей.

В церкви Гоголь никогда не крестился перед образами и не клал поклонов, но молитвы слушал с вниманием, иногда даже повторял их нараспев, как бы служа сам себе отдельную литургию. Он не одобрял порядка, установленного в церкви, и толкал мужика вперед:

– Тебе Бог нужнее, чем другим, иди к нему ближе! Гоголь спрашивал мужика, есть ли у того деньги на свечку. Если не оказывалось, давал тому монету. Он радовался, когда видел, что мужик подошёл к алтарю, опередив все мундиры. Ему нужно было, чтобы мужик потёрся своим зипуном о блестящие мундиры и попачкал их. Будущий сочинитель часто ходил с опущенной головой и ни на кого не глядел. Бывал глубоко занят какими-то размышлениями и переживаниями. Но не мог пройти мимо нищего, чтобы не подать ему, что мог, и всегда говорил «Извините», если нечего было вложить тому в руку.

Последняя среда

Гоголь любил ботанику. Всегда, когда у него была свободная минута, шёл в лицейский сад и беседовал с садовником о его деле.

– Ты рассаживай деревья не по линейке, как войска в строю, а так, как сама природа это делает – говорил он.

Взяв в руку несколько камешков, он бросал их на поляну, добавляя при этом:

– Вот тут и сажай дерево, где камень упал.

Безропотно Гоголь переносил все выговоры начальства. Например, ему часто ставилась в вину его причёска. Растрёпанность головы Гоголя стала в гимназии притчей во языцах. Он не любил часто стричься, как того требовало школьное начальство. Вообще Гоголь шёл наперекор всем правилам. Заставить его сделать что-нибудь, что делали другие воспитанники, было нельзя.

– Что я, попугай? – говорил он – я сам знаю, что мне нужно.

Его оставляли в покое «с предупреждением впредь этого не делать». Но он всегда делал так, как хотел. Гоголь любил ходить на Магерки, – в предместье Нежина. У него было там много знакомых крестьян. Когда у кого бывала свадьба или просто выгадывался ясный праздничный день, то Гоголь непременно был там.

В гимназии нерадивого ученика могли высечь. Однажды Гоголь провинился настолько, что на следующий день его должны были наказать. В ночь накануне наказания он заболел – и утром по всей гимназии разнеслась весть: Гоголь взбесился! Ученики сбежались и увидели, как лицо Гоголя страшно искажилось, глаза засверкали диким блеском, волосы встали дыбом; он заскрипел зубами, изо рта показалась пена...

Потом начал бить мебель.

Прибежал доктор, подошёл к Гоголю, дотронулся до плеча.

Гоголь схватил стул, взмахнул им...

Доктор ушёл.

Осталось одно средство: позвали четырёх слуг, приказали им взять Гоголя и отнести в особое отделение больницы, в которой он пробыл два месяца, отлично разыгрывая там роль бешеного.

.....
.....

Гоголь и шаманы

В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголь описал сказки и предания, которые знал с детства. Сказка позволяет заглянуть в самую древнюю историю, о которой не осталось других воспоминаний.

Искусства родились из древних праздников. Заправилами на таких праздниках были шаманы, или жрецы. И сейчас человек соприкасается с искусством тоже в момент праздника, в свободное время. Стало общепринятым называть «жрецами искусства» художников и музыкантов, певцов и артистов. Гоголь веселился в кругу близких, где чувствовал себя свободно – рассказывал смешные истории, пел, порой пускался в пляс. За добрым застольем с отменным угощением, среди своих, Гоголь был душой общества. Совсем другое дело – чопорные собрания знатных особ. Здесь Гоголя как будто подменяли. Он становился нелюдимым, чурался незнакомых – и рта не хотел открыть. Иногда он прятался в глубине комнат, забирался на диван и засыпал.

Различие в поведении среди «своих» и среди «чужих» легко объяснить, если представить, что в Гоголе было что-то от шамана. Свои пляски и действия шаманы не выносят на публику – они устраивают их для своего племени. Появление незнакомцев в своём кругу шаманы воспринимают как вторжение неизвестных «нечистых духов» и относятся к ним с опаской. Любопытно, что большого труда стоило уговорить Гоголя познакомиться с неизвестными людьми. Обычно у него в таком случае быстро портилось настроение – и он старался уйти, ссылаясь на нездоровье.

Шаманы считались посредниками между миром людей и миром богов. Окружающие их люди полагали, что шаманы отправляются в «путешествия», во время которых душа покидает тело и странствует в иных мирах, в прошлом и будущем. Современные психологи установили, что возможны необычные душевные состояния, которые напоминают сон наяву. Люди, которые пребывали в этих состояниях, могли предсказывать будущее.

Во времена Гоголя ещё не были известны древние мифы шумеров. Их записи археологи обнаружили на глиняных табличках, вырытых из-под песка в Междуречье, на территории современ-

ного Ирака. Только через пятьдесят лет после смерти Гоголя были расшифрованы шумерские предания о богине Инанне. Вот бы удивился Николай Васильевич, если бы узнал, что сказание об Инанне, которая решила сойти в преисподнюю, с точностью до деталей совпадает с историей про красную свитку, которую он изложил в повести «Сорочинская ярмарка»! Тарас Бульба говорит в повести Гоголя те же самые слова, что за пять тысяч лет до него сказал герой древнейшего в мире произведения – «Сказание о Гильгамеше», дикий человек из степи Энкиду: «Без дела сижу, пропадает сила!»

Гоголь любил надевать странные облачения. Однажды Сергей Аксаков навестил Гоголя в Зимнем дворце, где тот жил в гостях у Жуковского – и был поражён его нарядом. Вместо сапог он был одет в русские шерстяные чулки, выше колен. Бархатный свитер, шея обмотана разноцветным шарфом, на голове – малиновый кокошник, шитый золотом. Казалось, что он одет в фантастический женский костюм, который можно было встретить разве что у знатных особ какого-нибудь древнего племени. Гоголь долго в упор смотрел на Жуковского и Аксакова, не узнавая их. Он был так углублён в себя, что не мог вернуться в этот мир. Гоголь нисколько не стеснялся своего костюма. Наоборот, Жуковскому и Аксакову стало неловко, что они его отвлекли – и они быстро ушли.

Известно, что шаманы облачаются в специальные шаманские одеяния, которые помогают им совершать волшебные действия. Каждый шаман переносит «шаманскую болезнь» – состояние, в котором он находится на границе между жизнью и смертью. Гоголь за границей перенёс странную болезнь. Писателя посещали видения наяву. После этого он стал очень набожным и заговорил с друзьями тоном пророка.

Шаманы, жрецы или волхвы – священнослужители были во всех древних религиях. Однако разные народы верили в разных богов, поклонялись разным стихиям. Чему поклонялся Гоголь? Все свои весёлые вещи Гоголь написал за семь лет, пока жил в Петербурге. Потом он принялся переезжать с места на место и сочинять «Мёртвые души». На это у него ушло лет пятнадцать. Работал он очень много, и почти ничего не печатал. В конце концов, принялся жечь написанное: напишет второй том «Мёртвых душ», и сожжёт, потом напишет заново – и опять сожжёт... С точки зрения древней рели-

Последняя среда

гии огнепоклонников, действия Гоголя имели смысл. Богам надо отдавать лучшее, что у тебя есть – и то, что сгорает, попадает сразу к ним, воспаряет к небесам.

Гоголь писал: «жгу, когда нужно жечь, и видно, поступаю, как нужно – потому что без молитвы не приступаю ни к чему». Может быть, Гоголь был в глубине своей души огнепоклонником? Эта догадка показалась бы смешной сто лет назад – но в XX веке психологи открыли, что в душе человека есть пласты, связанные с древностью.

Опыт жизни наших предков длиной в тысячелетия находится в нашем сознании в «сжатом виде». Так в глубине земли хранятся подземные ископаемые, нефть или газ. Художник или писатель в своём творчестве «копают» очень глубоко – они дают выход скрытой психической энергии. Из скважины брызжет нефть или выходит с шумом горючий газ, что обладают огромной энергией. Эта энергия приводит в движение машины и поезда, согревает дома. Подобно этому, творческая энергия писателя может передаваться людям, приводить в движение их мысли, наполнять сердца чувствами, согревать их души.

В душе человека хранится огромная энергия. Так же точно, как может случиться пожар на нефтяном месторождении и сила пламени станет неуправляемой, может сгореть в творческом порыве художник или писатель. Это происходит с теми, кто не умеет рассчитывать запасы своих сил.

РАЗГОВОРЫ ОБ ИСКУССТВЕ

Журнал «Последняя среда» публикует заметки о современной живописи, извлеченные нами из статей, которые художник и поэт Илья Трофимов написал о творчестве своих коллег-художников. Почти все тексты опубликованы в газете «Новости МСХ».

ИЛЬЯ ТРОФИМОВ

«Лёгкое дыхание»

В «мучительных» поисках ответа на вопрос, что же такое искусство, каким оно должно быть (а, пожалуй, они именно таковы эти поиски – мучительны, несмотря на всё большую нарядность и победные шествия всего «современного» и, так сказать, «правильного»), – в мучительных и почти безнадежных поисках живёт представление о том, что есть всё-таки где-то потаённое, скрытое, то, что обладает лёгким дыханием, а не мучает наученностью и готовностью встроиться и построиться.

Если бы не было этого не оставляющего совершенно убеждения, можно было бы давно и спокойно вздохнуть – помахать ручкой напрягшимся от неразделённой любви традиционалистам, помахать чем-нибудь другим – тем, чего они заслуживают (не подумайте, однако, чего дурного), – принципиально «современным» и так же напрягшимся, но, кажется, от принципиального отсутствия любви.

Но всё-таки, надежда иногда оправдывается. И, заставляя забывать обо всех профессионально призывающих и профессионально отвергающих любовь, позволяет пережить чистую радость от общения с настоящим живым искусством.

Практически всегда в подобном случае, когда потаённая надежда сбывается, речь не идёт о проблемах языка. Потому что, о каком языке можно говорить, когда переполняет радость?

Пожалуй, можно радостно и, как бы не веря самому себе, обмениваться впечатлениями, в дружеской беседе развивать теории, но всем при этом будет совершенно ясно: объяснения излишни, напрасны и затрагивают предмет обсуждения лишь по касательной, лишь слегка прикасаются к нему.

Последняя среда

Вот таким прикосновением, попыткой прикосновения является и этот текст».

«...важно понять то пространство, то расстояние, на которое приглашается зритель – это расстояние дружеской, приятельской беседы с необязательностью слов, потому что и без слов всё понятно, с затяжным молчанием, с обменом впечатлениями, краткими репликами. Это расстояние домашнего, интимного, семейного согласия. На этом расстоянии, в этих тёплых лучах существо бытия предельно ясно, просто, освобождено от всего лишнего, но не лишено конкретно – той подлинной событийности, которая так понятна каждому, но ускользает от внимания в потоке жизни».

(из статьи об офортах Олега Соболя)

«...Возвращаясь в любимые, дорогие сердцу места, человек ищет не совсем то, что видит, и очень часто лучше не всматриваться в памятные детали, не искать знакомые черты – ничего этого уже нет – есть только неистребимая память. Именно в ней оживает и длится тот образ мира, который связывает старшие поколения с необозримо далёким бытием отечества, и о котором поколения младшие только догадываются по крупицам старого быта, по созвучиям всё тех же пока – старых – слов, по взглядам, брошенным исподлобья в глубокой провинции.

Однажды узнав, догадавшись о существовании этих суверенных территорий, мы уже не можем о них забыть – и в этом нам не способна помешать ни пошлость официального интереса к самобытному, ни сувенирная суэта вокруг национального колорита, ни безмолвие древних ландшафтов, покрытых неистребимо безвкусной застройкой...

Почему часто т.н. «красивый» пейзаж, выписанный со всем тщанием, оставляет равнодушным? Потому что одной картинкой недостаточно – нужно почувствовать движение воздуха, запахи земли, уловить шёпоты трав, нужно потрудиться, чтобы доехать и дойти до красивого места, нужно, наконец, движение в пространстве, нужна усталость и её преодоление, и много ещё чего, что отсутствует на квадратных километрах живописи, как тонкой, высиженной с прикушенным языком, так и размашистой, «свободной» и своевольной, увиденной, или сочинённой.

Последняя среда

Ничего не решает ни умение, ни отсутствие оно. Только личность художника, нашедшая способ выразить себя и то странное и неопределимое, что лучше не называть, для чего не нужно подбирать слова, потому что всегда получается не так и не то».

(из статьи о живописи Валерия Бабина)

«Качество живописи – вещь труднообъяснимая, и перечисление её достоинств мало что решает. Часто всё сводится к набору средств и приёмов, не соединённых, не сплавленных воедино, а потому вызывает досаду, как любительская поэзия. При этом, живопись, заявленная современностью, как зона полного авторского произвола, становится местом эстетической неопределённости, поскольку визуальное, как наиболее доступное для восприятия, менее всего защищено от эксплуатации и посягательств со стороны внехудожественного. Здесь я имею в виду не освоение искусством, в данном случае живописью, внеположенной ему реальности, но проникновение в живопись и разрушение её языка....

Художник, стремящийся оставаться в рамках языка живописи, попадает сегодня в ситуацию почти неразрешимую: именно то, что позволяет достичь глубины содержания, маркируется современной культурой, как маргинальное, лежащее вне магистральных путей, а следовательно, якобы, «неинтересное». Таким образом, мы видим тот самый заявленный произвол, и даже насилие, но не со стороны художника, а со стороны тех, кто распоряжается структурой, призванной соединить художника и зрителя.

Ведь не «структуре» дано свыше открывать и постигать истину. Объектом истины всегда останется единичный человек – художник, идущий путём смертного: «Аще бо и пойду посреде сени смертных, не убоюся зла, яко Ты со мною еси»...

В этой ситуации от художника требуется эстетическая избирательность, аккуратность и даже аскетичность в выборе средств. Он обречён уклоняться от выполнения программы, написанной за него. Можно сказать, что пространство художественного сегодня сжимается – для живописи остаётся не так уж много места – сама живопись, чистая живопись».

(из статьи о живописи Надежды Курбанбаевой (Umit Bek))

Последняя среда

«Для чего работает художник? В чём смысл авторского высказывания? Как это высказывание связано с действительностью? В изобразительном искусстве это не столь уж очевидные вещи. Художник вполне естественно может погрузиться в поиск формы, в решение множества других задач и перестать прислушиваться к сигналам, которые посылает ему реальность».

(из статьи о графике Владимира Фирсова)

«Живопись, переложённая на язык понятий, оторванная от материальной основы – красок, холста, грунта, техники, на мой взгляд, превращается в мёртвую конструкцию, теряет связь с реальностью. Меня лично смущает такая комбинаторика, претендующая на индивидуальность, проникновение в суть вещей, интеллектуализм.

Если в теории, касающейся создания текстов, всё выглядит убедительно, то пространство картины требует какого-то иного единства. Живопись, начинаясь со спекуляций, может так и не стать живописью. В ней самой, в присущем ей способе возникновения, в её непосредственном бытии осуществляются открытия, формируются решения. С точки зрения теории легко договориться до того, что неважно, как положен мазок, какова фактура, неважна степень подобия, и т.д., то есть всё то, что составляет существо живописи. Между тем, это далеко не так. Попытки философствования приводят представителей современного искусства в тупик.

... Художнику не всегда хватает опоры, которую создают собственные творческие импульсы. Их слабое движение по каким-то причинам потеряло энергию, и давно не нарушает тоскливую тишину выставочных залов, где очень странные люди, торгующие искусством, пытаются изобразить подобие художественной жизни. Естественная потребность выставить свои картины начинает казаться ненужной тратой времени. С другой стороны, художники, работающие в традиционных техниках и жанрах, в эти годы определились и утвердились в своём отношении к соблазнам т.н., «актуального» направления.

... Проблема состоит в том, что внутри исторически возникшей визуальной всеядности усилия по созданию некоего убедительного пластического языка практически напрасны. Но из этого не следует, что они не должны быть предприняты. И они предпринимаются – каждый

Последняя среда

раз, когда художник берёт в руки кисть и вступает в отношения с природой, готов у неё учиться, не навязывая ей заранее взятые формы и приёмы, но создавая их.

Живопись в самой своей основе – онтологична. Она продолжает прокладывать пути в мир, без какого бы то ни было посредничества. В этом её подлинная актуальность и современность. Искусство, профессионально называющее себя современным, напротив, выламывает человека из Бытия, отрывает его от смысла. Косвенным подтверждением тому служит мощная структура и строгая иерархия, призванные заменить какую бы то ни было иерархию ценностей. Без этой структуры, как без руководящей роли партии, актуальное искусство не сможет существовать. Представьте себе актуального художника, одиноко творящего знаки ни о чём. Картина, быть может, трогательная, но клиническая».

(Из текста «Разговоры с Виталием Грибковым (Интервью в форме монолога)»)

«...Он сам практически не в состоянии как-то объяснить происходящее в его творчестве, но, употребив некоторое усилие, можно понять, что в избранном им однообразии и повторяемости двух-трёх мотивов, странных минималистских сюжетов взывает и вопиет фундаментальная неприютность, осознаваемая художником лишь отчасти, но данная ему в его творческом опыте.

Берусь утверждать: эта неприютность есть ни что иное, как тоска по раю.

... Эта нарративная скудость полностью искупается щедростью самой живописной поверхности, ради которой, собственно, всё и происходит. Как известно, истинная щедрость по-своему скаредна, то есть, рачительна. Быть может поэтому, художник так кропотливо бьётся с каждым мазочком и пятнышком краски, с каждым элементом фактуры. Подобно Творцу вселенной, знающему число песчинок на морском берегу...»

(из статьи о живописи Александра Дедушева «Улитка, ползущая в рай»)

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕМИИ

Премия «Живая литература». Итоги и перспективы

В ноябрьском номере журнала «Знамя» за 2011 год была опубликована статья известного критика Натальи Ивановой «Запрет на любовь» с подзаголовком «О дефиците эмоций в современной словесности». Обсуждение темы, заданной статьей, состоялось на декабрьской книжной ярмарке «Нон-фикшн». Я, конечно, не считаю, что эту публикацию и разговор инициировал прошедший в первой половине 2011 года конкурс премии «Живая литература», но проблема, как говорится, носится в воздухе. Если уж о ней заговорил «толстый журнал», для которого в современной литературе всегда все «в ажуре»... Вчитаемся во фразу «О дефиците эмоций в современной словесности». Позвольте, но ведь эмоция – это и есть сфера искусства, в отличие, скажем, от науки. Следовательно, фраза означает: «О дефиците искусства в современной (художественной) словесности». Вот и мы о том же: та современная литература, которую представляют читателю «толстые» журналы, крупные издательства, а также связанные с ними литературные премии и фестивали, уже давно утратила потребительскую ценность: отсутствует и эстетическое удовольствие, и новизна. Эстетическое удовольствие и новизна – связанные вещи. Создающий нечто вторичное неизбежно – пусть подсознательно – это чувствует. Яркой, заразительной эмоции тут просто неоткуда взяться. Соответственно, не может получить ее и читатель. В свое время модернизм провозгласил необходимость формальной новизны произведения искусства: право на существование имела только та форма, которой прежде не существовало. Построенное на этих принципах искусство быстро зашло в тупик. Особенно ярко это продемонстрировала так называемая авангардная музыка. На смену модернизму пришел постмодернизм: требование обязательной формальной новизны было отменено. Художник получил право вкладывать новое содержание в уже известные формы. К сожалению, практика постмодернизма свелась, в основном, к перетасовке давно известных форм и идей. С новым содержанием оказалось туго. Между тем, перед человеком стоит задача встроить быстроменяющуюся, порой травматическую для него, действительность в свою картину мира, «обжить»

Последняя среда

эту действительность. Тут неоценимую помощь могло бы оказать человеку именно искусство, предложив модель эмоционального отношения к текущей действительности. Рискну предположить, что в этом и состоит задача искусства, его содержание. Поэтому в искусстве и требуется новизна – действительность-то все время меняется. Но в современном искусстве – что на «Западе», что у нас – в последние десятилетия культивируется бессодержательность. Это, несомненно, связано с общей ситуацией в мире: все большее значение в последнее время приобретали финансовые пузыри и манипуляции, приведшие в результате к глубокому экономическому кризису. При таком положении дел правящие слои были крайне не заинтересованы в том, чтобы открылась реальная картина происходящего. Отсюда и расцвет бессодержательного, фигуративного искусства. В том числе и в литературе. Но, как писал Маяковский, «поэзия – пресволочнейшая штукавина: существует – и ни в зуб ногой». Раз уж искусство дожило до нынешних времен, значит, оно содержит в самом себе источник сохранения. Значит, должно существовать и сейчас. Нужно его только разглядеть. Эту задачу и поставила перед собой премия «Живая литература», задуманная как антитеза так называемому «литературному процессу». Ведь для чего используется понятие «литературный процесс»? Чтобы на вопрос читателя: «А есть сейчас что-то интересное почитать в художественной литературе на русском языке?» ответить: «Идет литературный процесс, которому способствуют крупные издательства, «толстые» журналы, литературные фестивали и премии. Сейчас, возможно, это все скучно и вторично, но вот со временем мы получим непререкаемые шедевры». Возьму на себя смелость утверждать, что из скучного для всех сейчас в будущем может произрасти только что-то еще более скучное. Устроители премии стремились отыскать в современности произведения, способные вызвать у читателя живой отклик, непосредственную эмоцию, эстетическое удовольствие, пробудить в нем надежду на будущее, помочь обжить окружающий мир. То есть, попросту говоря, отыскать произведения искусства. Живая литература – это литература способная к развитию, к порождению действительно нового, определяющего собой будущее. Учредителями премии выступили издательство «Э.РА», сайт «Гуманитарный фонд» и литературный клуб «Последняя среда». В первый сезон 2010-2011 гг. конкурс проводился в номинациях «Поэзия» и «Переводы поэзии». На соискание премии принимались произведения здравствующих поэтов и переводчиков. Из присланных на конкурс

произведений голосованием оргкомитета были составлены лонг-листы в обеих номинациях. В них вошли тексты поэтов и переводчиков из России, Украины, Армении, Финляндии, ФРГ, Португалии и Израиля. (Заметим, что согласия номинируемого не требовалось. Приветствовалась ситуация, когда номинатором выступал не автор или переводчик, а именно «читатель»). Этот корпус текстов был опубликован на сайте премии <http://lname.ucoz.ru/> и по мнению организаторов и представляет собой главный ее результат – свидетельство существования в наши дни действительно живой, значительной, способной заинтересовать читателя литературы. Из участников лонг-листа было сформировано жюри, определившее шорт-лист премии. Лауреаты были названы в результате совместного голосования жюри и оргкомитета. Такая двоичная структура судейства была выбрана, чтобы попытаться отразить мнение двух сторон: «читателей» и «писателей». (Кавычки тут поставлены оттого, что в современной ситуации эти группы в области «некоммерческой» литературы часто пересекаются). «Читателей» представлял оргкомитет, а мнение авторов, прошедших первоначальный отбор – то есть соответствующих критериям премии – и вошедших в жюри, должно было показать, что является ориентиром для них в современной литературной ситуации. На суд жюри были представлены по 15 стихотворений каждого автора или переводчика. Имена участников на первый двух этапах – вплоть до оглашения шорт-листа – не раскрывались. Это было сделано для того, чтобы оценивались исключительно сами тексты, а не общие заслуги или репутации участников. Лауреатом премии в номинации «Поэзия» стал Илья Трофимов. Илья также известен, как интересный, самобытный художник. Его лаконичную, пользующуюся скупым набором средств поэзию я бы сравнил с русскими иконами – та же художественная выразительность и глубина содержания. В шорт-лист номинации «Поэзия» также вошли Алексей Зарахович, Алексей Ивантер, Ольга Ильницкая и Вадим Ковда. В номинации «Переводы поэзии» лауреатом стал Юрий Денисов за переводы французской классики 19-20 вв. Строгость формы сочетается в этих переводах с ярким, свежим языком и точностью и живостью в передаче деталей. В отобранных оргкомитетом переводах также широко представлен английский и американский верлибр 20 века – переводчики Владимир Бойко, Виктор Постников, Алла Шарапова, Аркадий Штыпель. Эти переводы кажутся мне чрезвычайно важными, поскольку только сейчас русская поэзия стала вырабатывать адекватный язык для передачи англо-саксонского верлибра, а его художественные достижения, при их освое-

Последняя среда

нии, могут оказаться для нас весьма плодотворными. В этой связи отмечу вошедшие в лонг-лист «Поэзии» верлибры Владимира Кравченко – редкий случай хорошо звучащего, оригинального по интонации и содержанию современного русского верлибра. В сезоне 2011-2012 гг. к двум существовавшим номинациям добавилась еще одна: «Проза». На конкурс будет приниматься как законченные произведения, так и фрагменты больших по объему произведений, в размере, не превышающем 30 тысяч печатных знаков. Таким образом будет оцениваться способность участника удерживать читательское внимание на протяжении хотя бы небольшого по объему текста. Отмечу еще одно обстоятельство: денежное содержание премии составляет ноль рублей ноль копеек. Как сказал один из участников конкурса в своем выступлении на заключительном вечере сезона, это не разъединяет поэтов и переводчиков, делая их конкурентами, а, наоборот, объединяет. В то же время организаторы премии стремились донести произведения лонг-листа премии до читателя. (Сайт премии за время истекшего сезона посетили более 10 тысяч человек, и читатели продолжают заходить на странички участников конкурса). Эту задачу взял на себя существующий при издательстве «Э.РА» Фонд поддержки независимого книгоиздания. Благодаря ему и стала возможной публикация этой книги. С оргкомитетом премии «Живая литература» тесно сотрудничает литературный клуб «Последняя среда». Многие участники конкурса премии выступили с чтениями на его вечерах. Многие также приняли участие в Открытом московском литературном фестивале «Украинский мотив», одним из организаторов которого являлся клуб. С целью создать общую эстетическую платформу Фонд поддержки независимого книгоиздания наряду с публикацией произведений «Живой премии» издал сборник «Последняя среда. Стихотворения и комментарии», среди авторов которого и члены оргкомитета премии, и некоторые участники конкурса. В целом и премия «Живая литература», и деятельность Фонда, и клуба «Последняя среда» направлены на создании литературного (а, возможно, в будущем и не только литературного) сообщества, разделяющего общие эстетические ценности. Это сообщество принципиально открыто для всех, кому интересна его деятельность. Собственно, сам факт интереса уже означает некоторую эстетическую общность. Для того, чтобы войти в сообщество, достаточно заинтересовать других его участников. Премия и клуб как раз и предоставляют всем желающим такую возможность. Присоединяйтесь!

Оргкомитет премии

ДЕЛА ИЗДАТЕЛЬСКИЕ

МИХАИЛ РОММ

Умирает ли издательское дело и книга как таковая?

Недавно мне пришлось принять участие в небольшом диспуте на тему: «Похороны книжной индустрии». Вкратце, тезисы инициатора дискуссии сводились к тому, что пора покончить с издательством, как с посредником между автором и читателем.

В качестве альтернативы, предлагается публикация электронной книги в интернете с получением платы за факт прочтения. Основной аргумент, подтверждающий жизненность темы – спад продаж книг во всем мире. Такой подход, разумеется, не выдерживает никакой критики, но автор и не стремится реально в чем-то разобраться. Конечно, если цель просто привлечь внимание к еще одному сетевому ресурсу, то и странно было бы ожидать реального анализа. Весьма популярный, в наше время, способ обмана наивных читателей, который сводится к тому, чтобы выдать эффектный заголовок, не особо стремясь, чтобы текст ему соответствовал.

Рецепт успеха в интернете, предлагаемый автором, в том же ключе. Разумеется, если придумать заголовок, вроде «Как разбогатеть, ничего не делая, при этом много есть, и не растолстеть», вывесить в интернете и собирать плату за клик, то совершенно не важно, что содержание книги сведется к скучной мысли, что такое невозможно.

Между тем, как проблема издательского кризиса действительно актуальна, я пока встретил три мнения на эту тему:

1. Книга отмирает, так как ей на смену идет электронная книга.
2. Книга отмирает из-за жадности издателей, которые, с одной стороны, заламывают непомерно высокие цены, а с другой стороны, печатают исключительно мусор на потребу публики, чтобы эту цену оправдать. К тому же жадные издатели мало платят авторам.
3. Государство не поддерживает культуру.

Для меня, как главного редактора издательства «Э.РА», все эти ответы кажутся наивными и смехотворными. И, замечу в скобках, дают такие ответы люди, которые мечтают продать свое творчество, тут они единодушны.

Последняя среда

В действительности, вопрос вообще сформулирован неверно. Гораздо важнее: «Падает ли читательский спрос на книги, и если да, то почему». Может быть, книга просто становится не нужной, поскольку люди не хотят читать, или только бумажная книга отмирает, или просто талантливые авторы перевелись?

Что касается первого пункта, то я убежден: книга как объект не исчезает, а приобретает новые функции. Так же, как в свое время изменились функции рукописной книги. Фундаментальное отличие реальной книги это ее материальность. Усилия или средства, которые потрачены на изготовление книги приобретают значение и ценность факта реальной жизни, без которого интернет публикации ничего не стоят.

По второму, я тоже не могу согласиться. Интерес к чтению отнюдь не ослабевает. Более того, со временем он будет только усиливаться. И, как ни парадоксально это прозвучит, виноваты в этом, как раз средства медийного натиска на сознание. Радио, телевидение, кино и интернет. Добавим еще к виновникам многотиражные журналы и газеты. Почему это так, потому что все они пытаются, что-то «впарить» читателю, как-то воздействовать на него. В этих условиях единственный носитель реального слова, это малотиражная книга, где автор не отделяется от читателя, а становится с ним на равных. Такая книга, которая может быть издана только «за счет автора», что гарантирует отсутствие, какой бы то ни было, ангажированности.

Наконец, по третьему. То, что государство почти перестало считать писателя «инженером человеческих душ» благо, а не проклятие литературы. Не государство должно поддерживать художника, а меценаты (не путать со спонсорами). А в силу того, что благосостояние современного человека растет, почему бы ему самому не становиться своим меценатом. И единственное «но», неизбежно приходящее здесь на ум: издание книги, при таком раскладе перестает быть фильтром, отделяющим зерна от плевел. Раз книгу может издать каждый, то как отличить в образующейся массе то, что отвечает высоким духовным или эстетическим запросам читателя. Возникает вопрос, как в такой системе читателю найти «своего автора», а автору «своего читателя». Ведь все старые механизмы, заточены для обслуживания медийной машины и насквозь проедены коррупцией.

Вот это тема для размышления. Реально решить эту проблему пытаются наше издательство, и думаю не только оно. Но какие тут есть пути, это уже тема другой статьи.

ЭВЕЛИНА РАКИТСКАЯ

Издать книгу

(поэма)

(бодро) Алло! Здравствуйте! Это госпожа Ракитская? Я вас не разбудил?... Семь часов! ... Ну да, пора вставать. Я от Аркадия! ... Ваш знакомый, поэт! ... Много поэтов? Он с бородой ... Забыл фамилию! ... Ну да, неважно ... (радостно) Он сказал мне, что вы связаны с Москвой! ... С типографией! ... Да-да, с издательством ... Сами и есть издательство?... (пауза, потом еще более радостно) У меня есть для вас предложение! Да, книгу! Уникальный материал, вы мне можете уделить две минуты? Можно в двух словах суть дела? Уникальная книга. Всё набрано в компьютере, на эту тему еще никто не писал... (пауза, потом доверительным тоном) Скажите, а у вас есть цензура? ... Ну в, же связаны с Москвой! ... Нет, нет, я как раз хотел именно в Москве! Тут у нас сами знаете что ... Но дело в том, что моя книга была запрещена! Ее не печатали 20 лет! Я готов передать вам ... Вы можете заработать! В Москве приличным тиражом, а дивиденды как-нибудь разделим! ... кхе-кхе ... (более спокойно) Какая книга? (гордо) «Кошки: пятьдесят пять способов крутить хвосты!»! ... (восторженно) Ну?!!! Вы теперь поняли?! (пауза) Все набрано в компьютере, готов макет ... В какой программе? Ну я не знаю, правнук набирал. А... Примерно 500 страниц... с двух сторон!... Но все уже отпечатано, вам только набрать! ... Нет, на бумаге! И фотографии, всё по порядку, скрепками ... Примерно двадцать-тридцать ... Да нет, не больше ста! ... Зачем сканировать? Они же цветные! Все отпечатано, у внучки друг в фотоателье ... Ну вам виднее, вам видней, вы же специалист... упавшим голосом) За счет автора или спонсора?... Да... Да... Да... Понимаю. Понимаю ... Понимаю ... (обиженно) Сейчас такое время – везде только деньги! ... А спонсора вы можете найти?!! ... Совсем не ищите? Никому не ищите? Жаль ... Жаль ... Ну, естественно ... (грустно) Всё ясно ... Сколько хочу? 10 тысяч ... Это много? ... Ну как что делать? Продам через ваш магазин! ... Гм ... А вы сколько советуете? (озадаченно) 100 штук на пробу? Что это за тираж? – ерунда! ... А допечатать? Можно будет? Да? Хорошо-о-о-о..... (вздыхнув) А вы с Ходорковским не связаны? ... В тюрьме?! ... А с Невзлиным? ... Уже скоро там будет?... А с Гайдамаком?!!! Ну

Последняя среда

зачем вы так? – Он тоже из Москвы! ... Ну да, ну да... (с новыми силами) Вы в Москве где жили?... Ну как же, знаю! У меня там троюродный брат в тридцать пятом служил ... Я знал одну Эвелину! Вы в Бердичеве до войны не были? ... (упавшим голосом) Шестидесятого?! ... Ха-ха-ха!! Много работаете, понимаю... Вы простужены? (радостно) Да! Так давайте же к делу!! (деловым тоном) Всё отпечатано, вам только набрать! ... Ошибки? Мне проверял племянник, он профессор ... Преподает! Кислотность щей! ... Да нет, вряд ли ... Но вы проверьте на всякий случай, подправьте там, если что не так, вы же специалист... (заискивающе) Зиновий сказал, что в-вы ... Как какой? Писатель! Ну, в очках ... Он о вас так отзывался! Так отзывался! ... так отзывался ... Я сказал, Аркадий? ... (собравшись с духом) Так наш главный вопрос – во что это выльется?! ... (длительная пауза, немая сцена, затем отчаянным тоном) Три тысячи???? ... кхе-кхе ... (радостно) Ах, шекелей?! (взяв себя в руки) Ну что же ... (тяжелый вздох) ... А вы всё сразу берете? ... А если частями ...? Чеками на сорок платежей? ... Понятно ... Понятно ... Хорошо, что хоть не все сразу. Мы же пенсионеры ... вы понимаете. Такие расходы. Сын сарай достраивает на Лазурном берегу, а там... а внучка ... Да что Вы! Дом он уже построил ... Такие цены ... Вы не бывали там? ... Жаль. А я бывал ... (недоверчиво и раздосадованно) Я понимаю, я вас понимаю! А нельзя ли все же сделать скидку? Ну всё же уже набрано! ... Как где? На дискете! Нет, дискеты нет, но всё отпечатано на бумагу! Ну хорошо ... Хорошо ... А скажите, у вас где типография, в Москве?... (обиженно) На Лазурном берегу? ... Нет, серьезно. Я бы мог издать в Тель-Авиве у правнука на работе ... на ксероксе! Но у него нет времени ... Не выйдет? ... Вам видней, вы профессионал. Ну а все же, если сделать скидку? (пауза, затем отчаянно) Сделайте скидку, а я в долгу не останусь! ... Договоримся! Саша о вас так отзывался, так отзывался ... Зяма? Ну какая разница. ... Писатель... такой, небольшого роста, с бородой! Не знаете? ... (жалобно) Я только что лежал в больнице... ... Это труд двадцати лет. Пятьдесят пять способов крутить кошкам хвосты... (с недоверием, но делая вид, что верит) Да я понимаю, что вы типографии платите ... (решительно) А если не секрет – сколько? ... Значит, вам остается (в уме считает, затем уверенным тоном) Вообще-то у меня сосед сам издатель, я у него делал за триста шекелей! ... два экземпляра ... (гордо) На своем принтере! ... (доверительно) Ну что вы, нет, к нему я не пойду... Не-

Последняя среда

хорошо поступил ... Нет-нет! ... Это неважно. О вас такие отзывы, я пойду только к вам ... Помогите! Я прошу вас! Ну спасибо! Спасибо ... спасибо. Я в долгу не останусь! меня тут есть еще поэт, тоже хочет издать ... Стихи! Да нас тут целое ЛИТО ... И все придут. Как куда? К вам!! Много работы? ... Очередь?! Это хорошо, что работы много! Хуже, когда ее нет! (громовым раскатом) Ха-Ха-Ха!! ... И какой же срок? ... (упавшим голосом) Да вы что?! А я хотел через неделю ... У меня у кошки жены троюродного брата юбилей ... Ну да, ну да... Ну как-нибудь! ... (ободренно) Постарайтесь, я прошу вас!!! ... (опять жалобно) Помогите, я вас отблагодарю... (деловым тоном) Да, вот хотел еще спросить. Интересуется невестка. Она готовит книгу. Вы можете устроить предисловие известного поэта? ... Этого... В Америке живет ... Вы связаны с Америкой? ... Бердянского! ... Умер? А Евтушенко? ... Не хотите? Почему? Сами предисловие напишете? ... Сами известный поэт? ... ВЫ?!!!! (сопение с двух сторон, немая сцена, пауза) ...Ну хорошо. Хорошо. Вы где находитесь? В Иерусалиме? Ах, в Тель-Авиве! ... А вы сами в Кирьят-Шмирьят не бываете? ... Под Эйлатом! ... Гм ... Дорогу я, конечно, оплачу, но... (жалобно) наше положение ... (решительно и отчаянно). Я лучше завтра сам подъеду, вы будете весь день дома? ... Пораньше, в семь часов! (сочувственно) Вы простужены? Сейчас такая погода! Грипп! ... Вы плачете?! ... Да что вы... я в долгу не останусь, буду постоянным клиентом!

(Заговорщицким тоном) Я к вам потом еще приду ... У меня много книг, это не последняя!

ЖИВАЯ ЛИТЕРАТУРА

Новая независимая премия

Существует с 2010 года

Учредители:

издательство «Э.РА», сайт «Гуманитарный фонд»,
литературный клуб «Последняя среда».

Отличие от других премий:

– Из участников лонг-листа формируется жюри, определяющее шорт-лист премии. Лауреаты называются в результате совместного голосования жюри и оргкомитета.

– Приветствуется выдвижение на премию произведений понравившихся вам авторов.

Согласие автора не требуется .

Произведения принимаются в электронном виде

(в файлах MS Word или других текстовых редакторах) по адресу:
premlive@gmail.com

НОМИНАЦИИ: Поэзия, Переводы поэзии, Проза (до 30 тысяч знаков)

Произведения на конкурс принимаются с 1 октября текущего года по 31 марта текущего года

Подробно ознакомьтесь с премией, правилами участия, произведениями участников и мероприятиями можно тут:

<http://lname.ucoz.ru/>

Новые коллективные проекты издательства Э.РА

«Живая литература». Стихотворения из лонг-листа премии. М, 2012. - 168 с.

Книга издана на средства издательства при финансовой помощи М. Г. Ромма (Сан-Диего).

Бумажная и электронные версии.

Подробнее о книге и премии: <http://lname.ucoz.ru>

«Последняя среда». М, 2011. – 114 с. Бумажная и электронная версии.

Авторы сборника: Николай Аферов, Сергей Долгов, Ольга Глухарева, Андрей Пустогаров, Михаил Ромм, Эвелина Ракитская, Алла Шарапова.

Приобрести эти книги можно в интернет-магазине

«В рюкзаке»: <http://knizh.gufo.ru>

«Год поэзии – Израиль». Три выпуска (2006-2010 гг.) Авторы из Израиля и гости из России и других стран. Более 200 авторов за три выпуска.

«120 поэтов русскоязычного Израиля». Антология. 2006 г

Узнать о приобретении: izdatera@mail.ru

Антологии современной украинской поэзии и прозы,
в том числе на двух языках.

Узнать о приобретении можно у составителя

Андрея Пустогарова: stogarov@rambler.ru

Подробнее об издательстве и издании Ваших книг:

<http://era-izdat.ru>

<http://era.gufo.ru>

Телефоны в Москве:

8-962-904-46-18; 8-906-704-68-73

Скайп: [izdatera2; miklromm](https://www.skype.com/ru/contacts/miklromm)

Журнал «Последняя среда»

1 выпуск

Главный редактор А. Пустогаров

Корректор А. Пустогаров

Обложки О. Глухарева

в оформлении обложки использованы картины Ильи Трофимова

«Тополь» и «Алупка»

Верстка О. Бабина

Свидетельство о государственной регистрации

ОГРН 309774627800931

Издательство «Э.РА»

Гарнитура «Constantia»

Формат 60 x 84/16

16 уч. изд. л.

Тираж 50 экз.

Москва

2012

Контактные координаты издательства

тел. в Москве:

+7-962-704-68-73

тел. в Израиле:

+7-972-52-203-70-88

Наши адреса в интернете:

Сайт издательства Э.РА: www.era-izdat.ru

Как издать книгу: <http://era.gufo.ru>

Книжный магазин: <http://knizh.gufo.ru>

Почта: era-izdat@mail.ru